

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

1 Іюля

№ 13.

1866 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года.

Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Высочайшее повелѣніе.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше соизволилъ разрѣшить вызванному въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія, Синодальному Члену, Преосвященному Митрополиту Кіевскому Арсенію возвратиться во вѣренную ему епархію.

Высочайшая награда.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вслѣдствіе ходатайства Королевы Виртембергской Ольги Николаевны, Всемиловѣйше соизволилъ наградить, къ 17 Апрѣлю сего года, Протоіерея Придворной церкви Ея Величества въ городѣ Штудгартѣ Іоанна *Базарова Митрою.*

Указы Святѣйшаго Синода:

Отъ 25 Апрѣля 1866 г. Объ учрежденіи при вновь устрояемыхъ монастыряхъ благотворительныхъ или воспитательныхъ заведеній.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 6-й день Апрѣля, утвердивъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о дозволеніи Княгини Васильчиковой учредить близъ Кіева Свято-Троицкій об-

щежительный монастырь съ благотворительными заведеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ повелѣть: при учрежденіи на будущее время монастырей предлагать учредителямъ соединять, подобно настоящему случаю, съ удобствами уединенной монашеской жизни, цѣль благотворительную, или воспитательную, совмѣстнымъ учрежденіемъ при вновь образуемомъ монастырѣ, соотвѣтствующихъ одной изъ вышеозначенныхъ цѣлей заведеній.

—

Отъ 14 Мая 1866 г. Объ увольненіи члена Московской Синодальной Конторы Епископа Антонія на покой.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданѣйшему докладу Его Сіятельства, Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 11 день Мая Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ увольненіи Члена Московской Синодальной Конторы и управляющаго Створопигіальнымъ Воскресенскимъ монастыремъ Епископа *Антонія* отъ сихъ должностей на покой и о помѣщеніи его въ Предтеченскомъ Трегуляевѣ монастырѣ Тамбовской епархіи, съ сохраненіемъ производимаго ему нынѣ содержанія по 800 руб. въ годъ.

—

Отъ 28 Мая 1866 г. Объ учрежденіи Нижегородскаго и Костромскаго Викаріатствъ.

Святѣйшій Синодъ подносилъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе докладъ, съ слѣдующими предположеніями: I) Въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ, въ помощь Епархіальнымъ Архіереямъ, учредить Викаріатства, наименовавъ Викарныхъ Преосвященныхъ: Нижегородскаго Балахнинскимъ, а Костромскаго Кинешемскимъ. II) Мѣстопробываніе Викарнымъ Архіереямъ имѣть: Нижегородскому въ Нижегородскомъ Печерскомъ первокласномъ монастырѣ, который предоставитъ въ управленіе Викарію, а Костромскому въ Ипатіевскомъ Каѳедральномъ монастырѣ, съ предоставленіемъ Викарію въ управленіе Песоченскаго Игрищ-

каго монастыря. III) На усиленіе содержанія Викарія Нижегородскаго, сверхъ настоятельскихъ жалованья и части отъ братскихъ доходовъ Печерскаго монастыря, обратитъ пять сотъ руб. въ годъ, производившіеся Нижегородскому Епархіальному Преосвященному, по Высочайше утвержденному въ 16 день Августа 1861 года опредѣленію Синода, изъ процентовъ съ капитала, опредѣленнаго на улучшеніе содержанія Преосвященныхъ; а на усиленіе средствъ содержанія Викарія Костромскаго предоставитъ ему, сверхъ Настоятельскихъ жалованья и части отъ братскихъ доходовъ Песоченскаго монастыря, получать въ годъ по четыреста руб. изъ неокладныхъ суммъ этой же обители и по восьми сотъ рублей изъ неокладныхъ суммъ Кривозерской пустыни. IV) Ризницею и прочими принадлежностями Архіерейскаго служенія предоставитъ Преосвященному Нижегородскому снабдитъ Нижегородскаго Викарія отъ Нижегородскихъ Архіерейскаго дома и Каѳедральнаго собора; на устройство же ризницы и прочихъ принадлежностей служенія для Викарія Костромскаго употребитъ до двухъ тысячъ руб. изъ суммъ Кривозерской пустыни, изъ которыхъ также отчислить тысячу рублей на приспособленіе и устройство въ Ипатіевскомъ монастырѣ помѣщенія для Викарнаго Преосвященнаго. На подлинномъ докладѣ Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ, въ 11-й день сего Мая, написать Собственноручно: *«Быть по сему.»*

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объявленіе Архипастырской признательности церковнымъ старостамъ.

Его Преосвященство, Феодосій, епископъ Тамбовскій и Шацкій, согласоваль опредѣленіе Консисторіи, которымъ полагалось: 1) церковному старостѣ соборной города Тамбова церкви мѣщанину Гаврилу Иванову Казакову, за 18 лѣтнее

служеніе и за пожертвованіе 2000 руб. сереб. 2) города Тамбова Архангельской церкви мещанину Григорію Бабанину, за 14 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 500 руб. 3) города Темникова церкви Всѣхъ Святыхъ 2 гильдіи купцу Димитрію Данилову, за 14 лѣтнее служеніе и пожертвованіе до 5995 руб. 60 коп.; 4) города Темникова Богословской церкви 2-й гильдіи купеческому сыну Ивану Коробкову, за 8 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 5749 руб. 53 коп.; 5) Темниковскаго уѣзда села Новоселокъ государственному крестьянину Ивану Бочкареву, за 10 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 230 руб.; 6) города Елатымы Вознесенской церкви мѣщанину Петру Забозлаеву за 17 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 165 руб.; 7) Шацкаго уѣзда села Богоявленскаго Погоста государственному крестьянину Леонтію Скуратову, за 20 лѣтнее служеніе, за пожертвованіе его и благопріобрѣтеніе отъ другихъ для украшенія церкви 9000 руб.; 8) тогожъ уѣзда села Колтырина крестьянину собственнику Павлу Марюшину, за 16 лѣтнее служеніе и пожертвованіе 300 руб.; 9) города Шацка Христорожественской церкви степенному гражданину Якову Чубаровскому, за 7 лѣтнее служеніе и пожертвованіе собственнаго капитала 700 руб.; 10) Липецкаго уѣзда села Кузовлева государственному крестьянину Данилу Сынкову, за 20 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе въ церковь разныхъ вещей на 160 руб. 30 коп.; 11) Борисоглѣбскаго уѣзда села Мучкапа Феодору Сидорову, за 20 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 25 руб. на пользу церкви.; 12) Тамбовскаго уѣзда села Земятчины мѣщанину Нилу Напилкову, за 9 лѣтнее служеніе и пожертвованіе 5000 руб.; 13) помѣщику маіору Ивану Егорову теменихину, за 9 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе 4000 руб.; 14) Кирсановскаго уѣзда села Рудовки государственному крестьянину Авксентію Акатушеву, за 15 лѣтнее служеніе и за пожертвованіе въ пользу церкви 2000 руб.; 15) Козловскаго уѣзда села Панской Слободы государственному крестьянину Діонисію Михайлову, за 10 лѣтнее служеніе и пожертвованіе 1300 руб.; 16) Темниковскаго уѣзда села Чермныхъ временно-обязанному крестьянину Михаилу Мазо-

рову, за 15 лѣтнее служеніе и пожертвованіе 5736 руб., — объявить Архипастырскую признательность чрезъ припечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и внести ихъ въ списокъ жертвователей для донесенія Святѣйшему Синоду.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Тамбовской Семинаріи, составленный послѣ испытаній на основаніи 171 § Проекта Устава духовныхъ семинарій, за 186⁴/₅ и 186⁵/₆ учебные годы учебнаго курса.

Высшее отдѣленіе.

Разрядъ 1-й.

Александръ Вадковскій, Михаилъ Богословскій, Архистархъ Александровскій, Николай Червлянскій, (*назначаются въ Казанскую Духовную Академію*), Андрей Быстровъ, Димитрій Астровъ, Николай Остроумовъ, Василій Розановъ, Николай Богородицкій.

10) Михаилъ Зеленець, Михаилъ Щеголевъ, Павелъ Ненароковъ, Александръ Смолѣвъ, Михаилъ Серебряковъ, Василій Реморовъ, Александръ Оржевскій, Александръ Пѣвницкій, Павелъ Смирновъ, Алексѣи Сергіевскій.

20) Иванъ Студенецкій, Діаконъ Иванъ Назаровъ, Константинъ Чикаревскій, Михаилъ Раненскій, Иванъ Добровольскій, Семень Михайловъ, Семень Сергіевскій, Димитрій Говоровъ, Θεодоръ Бѣляковъ, Θεодоръ Глаголевскій.

30) Гавріиль Лавровъ, Капитонъ Ястребовъ, Петръ Зефировъ, Димитрій Смирницкій, Алексѣи Щеголевъ, Александръ Архангельскій, Павелъ Шановаленко, Василій Магницкій, Θεодоръ Лебедевъ, Владиміръ Коваленко.

40) Эрастъ Озеровъ, Андрей Смолѣвъ, Алексѣи Никольскій, Евгенийъ Золотницкій, Иванъ Спасскій, Иванъ Граматинъ, Димитрій Ароматовъ, Алексѣи Левитскій, Алексѣи Несмѣловъ.

Всѣ воспитанники 1-го разряда, какъ весьма достойные онаго по своимъ успѣхамъ, на основаніи 39 и 40 §§ Устава Духовныхъ Семинарій, возведены на степень студента.

Разрядъ 2-й.

Андрей Похваленскій,

50) Павелъ Соловьевъ, Димитрій Кузминъ, Димитрій Стандровскій, Александръ Миловановъ, Димитрій Благовѣщенскій, Николай Темниковскій, Иванъ Левкоевъ, Θεодоръ Ястребцевъ, Иванъ Рязанскій, Александръ Заринъ.

60) Александръ Преображенскій, Николай Смирновъ, Алексѣй Смѣльскій, Степанъ Солертинскій, Иванъ Алкидовъ, Михаилъ Баталинъ, Константинъ Ольховскій, Θεодоръ Троицкій, Александръ Предтеченскій, Андрей Знаменскій.

70) Василий Сахаровъ, Владиміръ Ѡворскій, Павелъ Троицкій, Степанъ Осетровъ, Иванъ Богоявленскій, Григорій Васильевскій, Димитрій Димитревскій, Василий Рафаелевъ, Алексѣй Новослободскій, Θεодоръ Щепотьевъ,

80) Андрей Яковлевъ, Алексѣй Бобровъ, Димитрій Мучапскій, Димитрій Нумеровъ, Николай Строгановъ, Василий Грандовъ, Матвѣй Сеславинскій, Алексѣй Молчановъ, Александръ Вѣтринскій, Димитрій Успенскій,

90) Василий Снѣгиревъ, Митрофанъ Здравомысловъ, Арсеній Пономаревъ, Михаилъ Сосновскій, Алексѣй Славцовъ, Василий Земляницынъ, Степанъ Бреславскій, Иванъ Лукинъ, Василий Лисицынъ, Иванъ Яковлевъ 1-й,

100) Василий Богомолъ, Иванъ Звонаревъ, Павелъ Магницкій, Иванъ Антоновскій, Иванъ Трескинъ, Павелъ Успенскій, Михаилъ Рождественскій, Иванъ Анаевскій, Иванъ Бѣляевскій, Василий Яковлевъ 2-й,

110) Иванъ Яковлевъ 2-й, Константинъ Кочемировскій, Михаилъ Орловъ, Иванъ Орловъ, Павелъ Андреевъ, Михаилъ Кедровъ, Василий Студенецкій, Михаилъ Яковлевъ, Алексѣй Яхонтовъ, Алексѣй Прудковъ.

120) Владиміръ Зерновъ, Θεодоръ Крюковскій, Павелъ Лавровъ, Александръ Воронскій, Иванъ Меланхолинъ,

125) Константинъ Смирновъ.

Среднее 1-е отдѣленіе.

Переводятся въ высшее отдѣленіе Семинаріи.

Разрядъ 1-й.

Александръ Левкоевъ, Петръ Троицкій, Димитрій Лавровъ, Гавріиль Реморовъ, Гавріиль Вишневскій, Давидъ Кобяковъ, Димитрій Васильчиковъ, Алексѣй Полянскій, Иванъ Тюринъ.

10) Макаръ Шевалеевскій, Михаилъ Дубровскій, Димитрій Божановъ, Николай Тихонравовъ, Иванъ Унковъ, Александръ Благодатовъ, Николай Тимоѣевъ, Михаилъ Лиліевъ, Алексѣй Салтыковъ, Иванъ Введенскій,

20) Матвѣй Бобровъ, Алексѣй Талинскій.

Разрядъ 2-й.

Егоръ Оржевскій, Алексѣй Матченскій, Николай Орловъ, Петръ Дмитревскій 2-й, Петръ Преображенскій, Василій Новопокровскій, Павелъ Кедровъ, Θεодоръ Курганскій,

30) Павелъ Спасскій, Иванъ Дмитриевъ, Петръ Марма-риссовъ, Николай Корницкій, Яковъ Успенскій, Александръ Виноградовъ, Василій Богдановъ, Василій Добровъ, Иванъ Голубевъ, Василій Добросердовъ.

40) Владиміръ Покровскій, Алексѣй Шевалеевскій, Николай Чернитовскій, Петръ Калугинъ, Василій Архангельскій, Николай Осетровъ, Николай Ястребцовъ, Иванъ Старокадомскій, Михаилъ Ивановъ, Андрей Нечаевъ,

Гавріиль Виноградскій, Димитрій Тихонравовъ, Θεодоръ Славинъ, Андрей Зерновъ, Василій Дакукинъ, Петръ Дмитревскій 1-й, Петръ Константиновскій, Михаилъ Старокадомскій, Иванъ Звонаревъ, Павелъ Беневоленскій,

60) Ермолай Мелитовъ, Никаноръ Ненароковъ, Димитрій Преображенскій, Алексѣй Срѣтенскій, Павелъ Кротковъ, Александръ Гроздовъ, Θεодоръ Протопоповъ, Иванъ Гурьевъ, Павелъ Тихонравовъ, Димитрій Кобяковъ.

70) Иванъ Стеженскій, Петръ Лентіоновъ, Андрей Цвѣтковъ, Николай Никольскій, Димитрій Фенелоновъ.

Оставляются въ томъ же отдѣленіи за малоуспѣшность.

Алексѣй Фенеловъ, Александръ Владиславскій; Иванъ Флеровъ, Кесарій Лентіоновъ, Григорій Громковъ.

80) Θεодоръ Кашменскій,

Увольняется по болѣзни Василій Богородицкій; *увольняются за безустыпность:* Михаилъ Голубевъ, Стефанъ Никифоровъ, Николай Митропольскій.

85) Димитрій Доброхотовъ.

—

Среднее 2-е отдѣленіе.

Переводятся въ высшее отдѣленіе Семинаріи.

Разрядъ 1-й.

Митрофанъ Ястребовъ, Павелъ Новосельскій, Михаилъ Тюменевъ, Александръ Царевскій, Степанъ Пятницкій, Петръ Θεодоровъ, Иванъ Червянскій, Θεодоръ Шаровъ, Василій Казанскій,

10) Михаилъ Розановъ, Василій Олерскій, Николай Богословскій, Павелъ Богородицкій, Иванъ Дроздовъ, Василій Кандидовъ, Антонъ Матвѣевъ, Алексѣй Сохранскій, Николай Громовъ, Абрамъ Іерапольскій,

20) Николай Пѣвницкій, Петръ Благодаровъ, Яковъ Поспѣловъ, Павелъ Боголѣповъ, Сергѣй Иловайскій, Александръ Сеславинскій, Николай Щеголевъ, Александръ Назарьевъ.

Разрядъ 2-й.

Андрей Калугинъ,

30) Егоръ Діевъ, Александръ Делицынъ, Тимоѣей Гумилевскій, Василій Преображенскій, Николай Степановскій, Иванъ Преображенскій, Иванъ Ботьклевевскій, Владиміръ Пономаревъ, Михаилъ Смирновъ, Павелъ Хоперскій,

40) Григорій Θεодоровъ, Николай Рождественскій, Иванъ Алѣевъ, Александръ Красивскій, Θεодоръ Проволамскій, Владиміръ Гавриловскій, Иванъ Никольскій, Иванъ Ястребцовъ, Александръ Райскій, Яковъ Вигпянскій,

50) Димитрій Ракшенскій, Николай Троицкій, Михаилъ Сладкопѣвцевъ, Василій Круглинскій, Василій Митропольскій, Александръ Любовниковъ, Алексѣй Гроздовъ, Григорій Успенскій, Семень Чистяковъ, Петръ Уметскій.

60) Василій Скоровъ, Θεодоръ Тихомировъ, Иванъ Экстелевъ, Иванъ Дмитровъ, Григорій Кирилловскій, Ефимъ Новосельскій, Александръ Орловъ, Петръ Новиковъ, Михаилъ Лавровъ, Михаилъ Никольскій,

70) Михаилъ Предтеченскій, Михаилъ Рождественскій, Михаилъ Соколовъ, Пертъ Бѣловидовъ, Никита Любовниковъ, Павелъ Разказовскій, Меодій Твердовъ, Викторъ Адамовъ, Иванъ Шаровъ, Андрей Криновъ,

80) Гавріиль Милоранскій, Иванъ Кидаровъ, Димитрій Высокополянскій, Михаилъ Лукинъ, Николай Севастьяновъ, Петръ Петровскій, Иванъ Соколовъ, Порфирій Андреевъ, Михаилъ Несмѣловъ.

Оставаются въ томъ же отдѣленіи за малоуспѣшность:

Басилій Орловъ. ○

90) Арефій Ждановъ, Иванъ Соловьевъ.

Увольняются за безуспѣшность: ○

Николай Лебедевъ, Θεодоръ Архангельскій, Петръ Воздвиженскій, Петръ Касаткинъ, Θεодоръ Казанскій,

97. Павелъ Бѣляковъ.

—

Нисшее 1-е отдѣленіе.

Переводятся въ среднее отдѣленіе Семинаріи.

Разрядъ 1-й,

Алексѣй Спасскій, Алексѣй Гремяччинскій, Николай Болховитяновъ, Василій Алмазовъ, Θεодоръ Москвинъ, Василій Бѣльскій, Михаилъ Нечаевъ, Владиміръ Серебряковъ, Иванъ Назарьевъ,

10) Андрей Назарьевъ 2-й, Алексѣй Щегловъ, Василій Лачиновъ, Иванъ Миловидовъ, Николай Дивѣевскій, Иванъ

Казанскій, Митрофанъ Быстровъ, Владиміръ Орловъ, Михаилъ Сосновскій, Иванъ Востоковъ,

20) Петръ Делицинъ, Александръ Магницкій, Θεодоръ Сергіевскій, Василій Ароматовъ, Иванъ Ивановъ, Александръ Дубровскій, Петръ Любвинъ, Егоръ Жемчужниковъ, Василій Никольскій, Семень Курганскій—Козловскій,

30) Николай Магницкій, Димитрій Новоспаскій, Александръ Любвинъ, Андрей Левкоевъ, Константинъ Пѣвницкій, Алексѣй Радугинъ, Димитрій Добросердовъ, Иванъ Ждановъ, Алексѣй Криновъ, Иванъ Лебедевъ 1-й,

40) Петръ Свѣтловъ, Гавріиль Синцеровъ, Петръ Новосельскій, Михаилъ Новочадовъ, Николай Архангельскій, Поликарпъ Архангельскій, Николай Органовъ, Александръ Соколовъ, Николай Стандровскій, Николай Тихонравовъ.

50) Александръ Орловъ.

Разрядъ 2-й.

Димитрій Камневъ, Владиміръ Рождественскій, Степанъ Чернитовскій, Петръ Никольскій, Владиміръ Бѣляковъ, Матвѣй Волченскій, Константинъ Земляницинъ, Димитрій Вѣтринскій, Митрофанъ Никольскій,

60) Θεофанъ Качемировскій, Павелъ Лавровъ, Θεодоръ Протопоповъ, Григорій Каликинскій, Александръ Троицкій, Алексѣй Каменецкій, Семень Колчевъ, Трофимъ Ангеловъ, Василій Архангельскій, Алексѣй Воскресенскій,

70) Андрей Назарьевъ 1-й, Іосифъ Троицкій, Алексѣй Хитровъ, Андрей Каликинскій, Егоръ Даниловъ, Иванъ Кременецкій, Егоръ Мучкапскій, Константинъ Красивскій, Петръ Петровъ, Яковъ Гранатовъ,

80) Иванъ Горскій, Александръ Даниловъ, Василій Феофилактовъ, Сергѣй Пятницкій, Иванъ Писаревъ, Василій Воскресенскій, Иванъ Касаткинъ, Василій Морозовъ, Иванъ Никольскій, Николай Березинъ,

90) Александръ Успенскій, Иванъ Радугинъ, Илья Кнобѣвскій, Петръ Даниловъ, Михаилъ Орловъ, Аристархъ Поповъ, Иванъ Несмѣловъ, Θεодоръ Павперовъ, Иванъ Преображенскій, Алексѣй Романовскій,

100) Арсеній Соловьевъ, Ѳеодоръ Казанскій, Николай Несмѣловъ, Веніаминъ Бѣляевъ, Иванъ Арханельскій, Николай Бѣляевъ, Василий Купленскій, Иванъ Ольховскій, Иванъ Лысогорскій, Николай Дмитріевъ,

110) Василий Дмитріевскій, Павелъ Кудрявцевъ, Яковъ Лавровъ, Иванъ Яснговскій, Павелъ Боголюбовъ, Петръ Пятничкій, Павелъ Павловскій, Василий Боголюбовъ, Семень Крыловъ, Александръ Оржевскій,

120) Николай Соловьевъ, Михаилъ Ястребовъ, Ѳеодоръ Флоринъ, Николай Новослободскій, Семень Ѳеодосовскій, Иванъ Марковъ, Александръ Жасминовъ, Василий Чижевъ, Василий Надеждинъ, Василий Шипилевъ,

130) Дмитрій Даниловъ, Михаилъ Павловскій.

Оставаются въ томъ же отдѣленіи за малоуспѣшность:

Павелъ Никаноровъ, Петръ Георгіевскій, Василий Молчановъ, Степанъ Горскій.

Увольняются изъ Семинаріи за безуспѣшность:

Дмитрій Введенскій, Павелъ Ермиловъ, Павелъ Петровъ, Василий Лебедевъ,

140) Николай Предтеченскій, Александръ Сиреновъ, Ѳеодоръ Умновъ, Алексѣй Львовъ, Дмитрій Поповъ, Павелъ Ястребовъ, Василий Боковъ, Петръ Христорожественскій, Иванъ Колчевъ, Иванъ Лебедевъ 2-й,

150) Николай Болушевскій, Егоръ Александровскій,

152) Василий Борщевскій,

Ишшее 2-е отдѣленіе.

Переводятся въ среднее отдѣленіе Семинаріи:

Разрядъ 1-й.

Михаилъ Остроумовъ, Иванъ Горскій, Иванъ Муравьевъ, Порфирій Райскій, Аѳанасій Соколинскій, Василий Ястребовъ, Алексѣй Соколинскій, Василий Троицкій, Василий Богоявленскій,

10) Иванъ Орловъ, Александръ Рождественскій, Иванъ Неуныловъ, Николай Грибановскій, Иванъ Казанскій 2-й, Сте-

панъ Федоровъ, Иванъ Разумовъ, Иванъ Узоровъ, Семень Щеголевъ, Иванъ Рыбинскій,

20) Иванъ Громковскій, Николай Шаровъ, Василій Добровъ, Степанъ Дмитревскій, Константинъ Успенскій, Александръ Дроздовъ, Василій Рождественскій, Иванъ Романовскій, Андрей Архангельскій, Константинъ Озеровъ.

30) Алексѣй Грибановскій, Андрей Никольскій, Александръ Аладинскій, Алексѣй Казанскій, Матвѣй Богдановъ, Иванъ Архангельскій, Иванъ Виноградовъ, Петръ Алексѣевъ, Павелъ Богоявленскій, Алексѣй Романовскій,

40) Михаилъ Ненароковъ, Василій Херувимовъ, Александръ Соколовъ, Михаилъ Виноградовъ, Леонидъ Орловъ, Михаилъ Фіолетовъ, Владиміръ Сладкопѣвцевъ, Иванъ Миловановъ.

Разрядъ 2-й.

Викторъ Оаворскій, Иванъ Ивановскій,

50) Николай Звонаревъ, Григорій Лукинъ, Василій Надеждинъ, Александръ Колчевъ, Александръ Херувимовъ, Василій Лебедевъ, Петръ Троицкій, Степанъ Паройскій, Дмитрій Миловидовъ, Алексѣй Владиміровъ,

60) Павелъ Молчановъ, Павелъ Анаевскій, Иванъ Богородицкій, Михаилъ Генерозовъ, Дмитрій Грибановскій, Павелъ Козьмодемѣанскій, Николай Федяевъ, Александръ Смирновъ, Павелъ Гроздовъ, Петръ Сеславинскій.

70) Тимофей Романовъ, Семень Платоновъ, Николай Платоновъ, Петръ Орловъ, Иванъ Студенецкій, Николай Побѣдинъ, Михаилъ Суренскій, Иванъ Селищенскій, Петръ Никольскій, Дмитрій Землиницынъ; Семень Грибановскій, Иванъ Ястребцевъ, Иванъ Щеголевъ, Теофанъ Рязанскій Павелъ Поздняковъ, Владиміръ Алмазовъ, Иванъ Альтовъ, Николай, Доброхотовъ.

80) Иванъ Золотовъ, Иванъ Казанскій 1-й, Павелъ Каменскій, Михаилъ Романовъ, Григорій Моревъ, Петръ Розовъ, Егоръ Новопокровскій, Иванъ Преображенскій, Алексѣй Лебедевъ, Павелъ Оссеіановъ.

100) Миѣаилъ Щеголевъ, Семень Троицкій, Егоръ Казанскій, Иванъ Смирновъ, Петръ Царевскій, Василій Надеждинъ 2-й, Павелъ Ржакшенскій,

107) Николай Докукинъ.

Оставляются въ томъ же отдѣленіи за малоуспѣшность:

Павелъ Процвѣталовъ, Василій Алмазовъ,

110) Владиміръ Лисицынъ, Александръ Побѣдинъ, Иванъ Димитревскій, Иванъ Касовскій, Митрофанъ Кобяковъ, Василій Рязанскій, Иванъ Добровъ, Николай Архангельскій, Василій Богословскій, Иванъ Глазуновъ,

120) Феодоръ Никольскій.

Увольняются изъ Семинаріи за безуспѣшность:

Андрей Добринскій, Алексей Лукинъ, Петръ Полянскій, Александръ Генерозовъ, Василій Свѣтловъ, Василій Соколовъ,

127) Иванъ Снигиревъ.

III

ИЗВѢСТІА И ОБЪЯВЛЕНІА.

О Т Ч Е Т Ъ

**ПО УЧЕНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ, ПРИ ТАМБОВСКОЙ СЕМИНАРІИ,
за 1865 годъ.**

Въ Январѣ, апрѣлѣ и сентбярѣ мѣсяцахъ 1865 года воспитанники всѣхъ отдѣленій Семинаріи пожертвовали на Ученическую бібліотеку серебромъ *двѣсти шестьдесятъ девять* рублей, изъ коихъ употреблены на выписку книгъ 237 руб. 16 коп., книги же выписаны слѣдующія:

Гоголя 4 тома и книги; Энциклопедическаго Лексикона 5 т. и кн.; Картины русско-народнаго быта—Даля 2 т. и кн., Сочиненія — Писемскаго 3 т. — Островскаго 2 т. и кн. Исторія сред. вѣковъ Стасюлевича 2 т. и кн., Хижина д.

тома Бичеръ Стоу; Фрегатъ П.—Ганчарова 2 т. и кн., о происхожденіи видовъ Дарвина; сочиненіе Шекспира 5 т. и кн., Горе отъ ума Грибоѣдова; путешествіе Лингвинстона; Годъ на сѣверѣ Максимова; Слова Филарета М. М. 3 т. Байронъ первые 2 тома; Шекспиръ Гервинуса; исторія литературы Милюкова; Библіотека путешествій 8 т. и кн., Разказы изъ исторіи Англіи Маколея; Бокль Исторія цивилизаціи Англіи 1-й томъ; Охотникъ за растеніями; Басурманъ Ложечникова 2 т. и кн., Біографія Гоголя; Бѣдные люди Достоевскаго; Собраніе путевыхъ очерковъ, повѣсти разныхъ писателей, поѣздка на востокъ Дохтурова, Заграничныя очерки Забѣлина, путешествіе Норова 5 т. 3 кн., всеобщ. исторія Лоренца 6 кн., Полное собраніе сочиненій Маколея 8 т., Историческая христоматія Галахова 2 кн., сочиненіе Погорѣльскаго 2 т. и кн., Размышленіе о сущн. христіан. религіи Гизо; землевѣдѣніе Риттера, Очерки поэзіи Милюкова, Этюды Италіи Ковалевскаго, Стихотворенія Кольцова, Сборникъ поэзіи Щербини, Сочиненія Губера 2 кн., Очерки запад. Сибири, древняя исторія, Вельтера, Физиологія Льюиса, Записки оружейнаго охотника Аксакова, Охотническія воспоминанія Аксакова, Сочиненія Гнѣдича, — Батюшкова, Стихотворенія Ростопчиной, древняя исторія, Біографическія очерки Новаковскаго, — Царевна Софія Щебальскаго, Записки Парошина, Аѳонъ — Благовѣщенскаго, Семейство Монсовъ, Чтеніе о млекопитающихся животныхъ, вѣчная жизнь Эрнеста Навиля, Библейскій Словарь Яцкевича, 4 тома 2 кн., Письма о богослуженіи Бѣллюстина, Тропическій міръ Гартвига, О причинахъ явленій въ ограниченной природѣ Гексли, Природа дома и въ школѣ, Байронъ 3-й т., Война и миръ Прудона, Путешествія по сѣверо-американскимъ штатамъ 2 кн., Путешеств. Гулливера, всеобщая исторія Иловайскаго въ 2-хъ экземплярахъ, Собраніе повѣстей и разказовъ, собраніе разказовъ, Выборъ невѣсты; Лучше поздно чѣмъ никогда, Собраніе повѣстей, Три письма, Собраніе повѣстей и разказовъ, Третій понедѣльникъ, Тодеушъ безъимянный, Современникъ 1857, 58 и 59 годовъ, Русскій Вѣстникъ 1861 и 62 годы, Библіотека

для чтенія 1850 и 1860 годовъ, Время 1862 года, Учитель 1861 и 62 г.г., Русскій Вѣстникъ 1863 и 64 г.г., Русское Слово 1863 г., Отечеств. Записки 1860 и 61 годовъ.

Остальные же 31 руб. и 84 коп. серебромъ употреблены на переплеть книгъ.

Профессоръ Никаноръ Маловъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ

**въ пользу ученической бібліотеки, при
Тамбовской Семинаріи,**

въ 1866 году.

Духовенство Тамбовское, при совѣщаніи о средствахъ улучшенія духовно-учебныхъ заведеній своей Епархіи, между прочимъ заявило свое желаніе сдѣлать пожертвованіе на Ученическую бібліотеку, находящуюся при Тамбовской Семинаріи, и поддерживаемую доселѣ скудными пожертвованіями воспитанниковъ. — Вслѣдствіе сего заявленія въ нынѣшнемъ 1866 году оно чрезъ оо. Благочинныхъ на означенную бібліотеку выслало 108 руб. и 95 коп. серебромъ.

О. Благочинный (въ настоящее время скончавшійся) Іерей Теофилактъ Стандровскій представилъ въ пользу бібліотеки, отъ подвѣдомаго сему духовенства серебромъ 15 рублей; Благочинный Іер. Тимофей Орловъ 10 руб., Благ. Іер. Петровскій 10 руб., Благ. Іер. Алѣевъ 7 р. 55 к., Благ. Іерей Смирновъ 6 руб., Благ. Іер. Николаевскій 5 руб., Іер. Орловъ 5 руб., Іер. Богоявленскій 5 руб., Благ. Іер. Вокресенскій 4 руб. 10 к., Благ. Іер. Владиміровъ 3 руб., Благ. Іер. Вадковскій 3 руб., Благ. Іер. Кременскій 3 руб., Благ. Іер. Троицкій 3 руб., Іер. Колчевъ 3 руб., Благ. Іер. Тихомировъ 3 р. Протоіерей Казьминъ 3 руб., Благ. Іер. Соколовъ 3 руб., Благ. Іер. Васильевскій 3 руб., Благ. Іер. Соколовъ Василій 3 руб., Благ. Іер. Гроздовъ 2 руб., Благ. Іер. Успенскій 2 руб., Благ. Іер. Прудковъ 2 руб., Благ. Іер. Кедровъ 2 руб., Благ. Іер. Терновскій 1 р. 30 коп., Іерей гор. Кадома Реморовъ 1 руб., Благ. Іер. Владиміровъ 1 руб., Благ. Іер. Та-

дитовъ 1 руб., Благ. Іер. Лысогорскій 1 руб., Благ. Іер. Зерновъ 1 руб., Благ. Іер. Архидіаконскій 1 руб., Благ. Іерей Соловьевъ 1 руб., Благ. Іер. Шѣвницкій 1 руб., Протоіерей Чернѣвскій 1 руб., Іерей Цѣлебровскій 1 руб., Благ. Іерей Богородицкій 1 руб., Протоіерей Тихонравовъ 1 руб., Благ. Іерей Гремятченскій 4 руб. 50 коп.

Кромѣ пожертвованныхъ Духовенствомъ Тамбовскимъ 108 руб. и 95 коп. серебромъ воспитанники Семинаріи всѣхъ отдѣленій въ Январѣ сего 1866 года пожертвовали въ пользу своей бібліотеки 55 руб. серебромъ. Такимъ образомъ составила суммa во 163 руб. и 95 коп. сер.

На означенную суммy выписаны для бібліотеки слѣдующія книги: «Всеобщая исторія—Шлоссера 12-ть томовъ и кн. 18 руб. сер., Исторія Рус. Госуд.—Соловьева 12-ть т. и кн., 22 руб. сер., книги пророк. Ісаи и Іереміи, Іезекииля и Даниила, въ русскомъ переводѣ, Бухарева, 1 руб. 85 коп. сер., Письма о благодати св. таинъ Бухарева—35 коп. сер., Житія 12-ти и проч. 70 Апостоловъ Крылова 2 руб. сер., Духъ Христіанина 1862 года 4 руб. сер., Бѣлинскаго (крит. соч.) 11 и 12-й томы 2 руб. сер., сѣверно-русскія народоправства—Костомарова 3 руб. 50 коп. сер., О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской Бухарева 2 руб. 25 коп. сер., Кабанисъ, Отношеніе между физическою и нравственною природою человѣка Бибикова 1 руб. 50 коп. сер., поѣздка въ южную Россію Чужбинскаго 2 руб. 50 к., серебромъ, Дѣтскій Міръ Ушинскаго 1 руб. 92 коп. сер., Богданъ Хмѣницкій—Костомарова 1 руб. 50 коп. сер., Русское Слово 1864 года 5 руб., Современникъ 1860 и 61 годы 10 р. сер., Отеч. Записки 1862 и 63 годы 10 руб. сер. Время за 1861 годъ 4 руб. 50 коп. сер., Воскресный Досугъ 1864 года 2 руб. 50 коп. сер., стихи Полежаева 60 коп. сер. Изъ той-же суммy за переплетъ книгъ, какъ нововыписанныхъ, такъ и поновленіе старыхъ, а также и за пересылку книгъ, истрачено серебромъ 14 руб. и 81 коп.

За всѣми означенными расходами осталось, изъ суммy собранной въ семѣ 1866 году, при Ученической бібліотекѣ серебромъ 53 руб. 17 коп.

Профессоръ Никаноръ Маловъ

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

1 июля

№ 13.

1866 года.

В Е Д Е Д А

О

СИМВОЛЪ ВЪРЪ.

V.

Върую во единого Господа Иисуса Христа Сына Божія..... насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія шедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята, и Маріи Дѣвы, и во-человѣчшася.

«Не есть дѣло святое, поклоняться Иисусу Христу, какъ человѣку простому; равно не есть благочестивое дѣло называть Его только Богомъ не-вочеловѣчившимся. Ибо если Христосъ есть Богъ, какъ то и истинно, но не принялъ человѣчества, то мы чужды спасенія. И такъ должно поклоняться Ему, какъ Богу, и вѣрить, что Онъ и во-человѣчился. Нѣтъ пользы говорить, что Онъ человѣкъ безъ божества; равно нѣтъ спасенія не признавать въ немъ вмѣстѣ съ Божествомъ человѣчества» (Кирил. Іер. сл. XII ст. 1). Мы съ вами, православные слушатели, такъ и научены вѣровать во Иисуса Христа, какъ въ истиннаго Бога и какъ

истиннаго человѣка, т. е. научены признавать въ Немъ двѣ природы или два естества, Божеское и человѣческое. О рожденіи Иисуса Христа по Божеству отъ Бога Отца было говорено во 2 членѣ символа вѣры, а въ 3 членѣ говорится о Его рожденіи по человѣчеству отъ Дѣвы Маріи. Такъ нынѣ мы будемъ говорить о человѣческой природѣ Иисуса Христа — о Его воплощеніи. Великая, братіе, тайна, — Богъ явился во плоти, какъ человѣкъ! Для чего же явился?

Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, — для насъ, для нашего спасенія, т. е. избавленія отъ грѣха, проклятія и смерти. Откуда же это въ насъ грѣхъ, проклятіе и смерть? Отъ перваго человѣка, — нашего праотца Адама. Поясню вамъ это исторіею объ Адамѣ. Богъ сотворилъ его невиннымъ, безгрѣшнымъ; но чтобы онъ самъ заслужилъ благословенія Божія, Господь для этого далъ Адаму заповѣдь — не вкушать отъ одного дерева райскаго, дерева познанія добра и зла; въ предостереженіе Господь грозилъ первымъ человѣкамъ, что если они вкусятъ отъ запрещеннаго плода, то смертію умрутъ. При всемъ томъ Адамъ съ женою своею нарушили заповѣдь Божию, послушались искусителя діавола и вкусили отъ плода запрещеннаго. Вотъ грѣхъ Адамовъ; этотъ грѣхъ причинилъ и смерть душъ, потому что она лишилась спокойствія и блаженства, вмѣсто которыхъ пробудился стыдъ и мученіе; за тѣмъ Адамъ и Ева осуждены Богомъ на изгнаніе изъ рая и на разныя лишенія и болѣзни; это и есть проклятіе. Но зло, происшедшее отъ грѣха Адамова, не осталось на немъ одномъ, а перешло и на всѣхъ потомковъ его. Какъ потокъ воды, оно разлилось по всему роду человѣческому. За что же, спросите, за что на насъ перешло зло? За то, что мы ро-

дплись всё отъ Адама — грѣшнаго. Представьте себѣ, — гдѣ нибудь течеть гнилой источникъ; отъ этого источника по разнымъ направленіямъ текутъ ручьи; какая вода будетъ въ этихъ ручьяхъ? непременно—гнилая, негодная для питья, какъ и въ самомъ источникѣ. Такъ и мы отъ грѣшнаго—родились грѣшными. Или еще: если какой дворянинъ разжалованъ по уголовнымъ дѣламъ, — лишень дворянства: то дѣти, послѣ того родившіеся отъ него, уже не считаются дворянами. Такъ и мы родились, какъ бы, отъ разжалованнаго, выгнаннаго изъ рая Адама; потому грѣшны отъ самаго рожденія нашего, лишены невинности. Священное писаніе вотъ какъ говоритъ: *единьмъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша* (Рим. 5, 12). Такъ еще въ Адамѣ мы согрѣшили, оскорбили Бога, прогнѣвали Его. Что же было дѣлать роду человѣческому? Грозилъ погибель неизбежная. Сами люди упросить у Бога себѣ прощенія не могли, потому что всё грѣшныя; обыкновенно примиряетъ враждующихъ кто либо посторонній и имѣющій доступъ къ оскорбленному. Вотъ Господь тогда еще, тотчасъ по паденіи прородителей, въ утѣшеніе Адаму и Евѣ, при ихъ раскаяніи, сказалъ, чтобъ они ожидали Искупителя. — Эготъ Искупитель и Ходатай у Бога за людей и есть Сынъ Божій Господь Иисусъ Христосъ, Который благоволилъ принять на Себя нашу плоть и въ этой плоти принесть Себя въ жертву Божию правосудію за насъ грѣшниковъ. Сынъ Божій, и именно во плоти нашей, могъ совершить наше спасеніе; больше никто. Почему же такъ? потому что грѣхъ повредилъ всего человѣка; чтобъ спасти человѣка, очевидно, нужно исправить, — обновить природу его. Кто же могъ это сдѣлать? Сынъ Бо-

жій, Который участвовалъ и въ твореніи чело-
вѣка. — Адамъ своимъ непослушаніемъ оскорбилъ,
прогнѣвалъ Бога, — Существо высочайшее. Чтобы
примирить челоуѣка съ Богомъ, нуженъ былъ при-
миритель самый невинный и притомъ такой, ко-
торый бы имѣлъ доступъ ко Господу, оскорблен-
ному грѣхомъ челоуѣка. Кто же могъ исполнить эту
обязанность—примирить Бога съ челоуѣкомъ? Сынъ
Божій, едиnorodный, Который по существу Своему
равенъ Богу Отцу. Черезъ грѣхъ челоуѣкъ подпалъ
власти діавола, который взялъ его въ такой плѣнъ,
что челоуѣкъ самъ собою не могъ освободиться
отъ этого плѣна. Чтобы спасти челоуѣка, нужно
было побѣдить діавола. Кто же могъ побѣдить
его? Сынъ Божій, Который *пріискренивъ пріоб-*
щился плоти и крови челоуѣческой,—да смер-
тію упразднитъ илущаго державу смерти,
сиречь (то есть), *діавола* (Евр. 11, 15). Такимъ
образомъ Сынъ Божій, принявшій на Себя плоть
нашу, исправилъ наше, грѣхомъ испорченное, есте-
ство, примирилъ насъ съ Богомъ Отцемъ и, побѣ-
дивъ діавола, разрушилъ смерть и даровалъ намъ
жизнь. Онъ содѣлался вторымъ Адамомъ. Какъ
отъ перваго Адама, грѣшнаго, перешелъ къ намъ
грѣхъ: такъ отъ втораго Адама — Иисуса Христа
праведнаго, мы получили оправданіе. Вотъ цѣль
Его прішествія на землю: *для насъ челоуѣковъ*
и для нашего спасенія, какъ и сказано въ 3 чле-
нѣ символа вѣры.

Сшедшаго съ небесъ. Иисусъ Христосъ, Сынъ
Божій, какъ Богъ, всегда былъ вездѣ—и на небѣ
и на землѣ; но Онъ былъ тогда невидимымъ; а те-
перь явился во плоти и ходилъ по городамъ и се-
ламъ, люди видѣли Его и разговаривали съ Нимъ;
въ этомъ смыслѣ и сказано, что Онъ *сшелъ съ*
небесъ.

И воплотившагося отъ Духа свята и Маріи Дѣвы, т. е. принявшаго плоть отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы. Объ этомъ предсказалъ Исаія: *Се Дѣва во чревь прииметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (7. 17). Глубочайшая и непостижимая тайна воплощенія Сына Божія! Всѣ люди рождаются отъ мужа и жены; Сынъ Божій— Иисусъ Христосъ не такъ: Онъ, по ученію св. Аѳанасія Александрійскаго, есть Богъ отъ существа Отца, прежде вѣкъ рожденный, и человекъ отъ существа материя во времени рожденный (Симв.). Онъ прежде вѣкъ отъ Отца безъ матери, а въ послѣдокъ дней по плоти — отъ матери безъ мужа, наитіемъ св. Духа рожденъ. Пресвятая Дѣва Марія до рожденія Сына Иисуса Христа, въ рожденіи и послѣ рожденія пребыла дѣвою, поэтому и называется *Приснодѣва*. Невѣрующіе удивляются тому, какимъ образомъ могъ родиться Спаситель міра отъ Дѣвы.— На это съ своей стороны скажу вамъ: мало ли чего мы съ вами не понимаемъ, однако непонятное для насъ совершается своимъ порядкомъ. А св. Кириллъ Іерусалимскій таковымъ совопросникамъ задаетъ свой вопросъ— такой: «въ началъ Ева отъ кого родилась? Какая мать зачала ее безматернюю? Писаніе говоритъ, что она родилась изъ ребра Адамова. И такъ уже ли изъ ребра мужа безъ матери Ева родиться могла, а изъ утробы дѣвической безъ мужа младенецъ родиться не можетъ? Женскій родъ одолженъ благодарностію мужамъ; ꙗко Ева рождена Адамомъ, а не матерію зачата, но такъ какъ бы произошла отъ единого мужа. Но Марія отдала долгъ сей благодарности, родивши не отъ мужа, но отъ себя едикной, непорочнымъ образомъ, чрезъ Духа святаго, силою Божіею» (слов. XII ст. 29).

И воочеловѣчшася. — Это слово дополняетъ

слово *воплотившагося*. *Воплотившагося*,—значитъ Иисусъ Христосъ принялъ на Себя плоть нашу, наше тѣло.. Были нѣкоторые лжеучители, которые утверждали, что Иисусъ Христосъ принялъ одну плоть человѣческую. Но не такъ учить православная Церковь. Св. Отцы 3-й членъ символа вѣры оканчиваютъ словомъ: *и вочеловѣчшася*; а вочеловѣчиться значитъ сдѣлаться человѣкомъ, принять тѣло и душу человѣческую. И потому Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ по Божеству Своему и истинный человѣкъ по человѣчеству; а вмѣстѣ въ одномъ Лицѣ Онъ есть *Бого-человѣкъ*. Какъ Богъ, Онъ творилъ чудеса необыкновенныя, напр: ходилъ по водамъ, воскрешалъ мертвыхъ и проч.; какъ человѣкъ, Онъ повитъ былъ пеленами, возрасталъ, обращался съ людьми, умеръ и погребенъ. О! велія тайна,—*Богъ явися во плоти!* Но явился Онъ во плоти для насъ, братіе, для нашего спасенія. Сынъ Божій сшелъ съ неба, смирилъ Себя, что бы насъ возвысить. О, Сыне Божій, Иисусе сладчайшій! съ благодарною къ Тебѣ обращаюсь душою, просимъ: не оставь насъ грѣшныхъ; пришедшій спасти родъ человѣческій, спаси и помилуй насъ, не по дѣламъ нашимъ, а по Твоей милости и любви; дай намъ силу—побѣждать грѣхъ и прогонять діавола, да и мы свободнѣе предадимся Тебѣ, сошедшему къ намъ съ неба! Матерь Божія, Пресвятая Дѣво Маріе! помогай намъ въ преданности и любви къ Сыну Твоему, Богу нашему—Иисусу Христу. Тебѣ единой всегда легко и просить и преклонять къ нашей любви Того, Котораго зачала во чревѣ своемъ иносила, родила и воспитывала, какъ Сына. Нѣтъ сильнѣе молитвы, какъ Твоя молитва Матерняя къ Сыну.

Изъ 3-го члена символа вѣры, мы, братіе, научились вѣровать, что Матерь Господа Иисуса Христа по плоти Его есть Пресвятая Дѣва Марія; за

это и чтимъ Ее со св. Церковію, какъ *честивішую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ*. О, какъ въ самомъ дѣлѣ велика Пресвятая Дѣва Марія, которая удостоилась быть матерію Господа! Поэтому Ее ублажаютъ и будутъ ублажать всѣ роды людей, вѣрующихъ во Иисуса Христа. Да и какъ не ублажать Ее! *Кто Тебѣ не ублажитъ пресвятая Дѣво? Кто ли не воспоетъ твоего пречистаго рождества? Безлѣтно бо отъ Отца возсіявый Сынъ единопородный Той же отъ Тебе чистыя пройдетъ, неизреченно воплощься, естествомъ Богъ сый, и естествомъ бывъ человекъ насъ ради, не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естеству неслитно познаваемый. Того моли, чистая, всеблаженная, помиловатися душамъ нашимъ!* (Богород. гл. 6.)

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николя.

І. О МОИСЕѢ.

(Продолженіе)

2. Это соображеніе, и всѣ прочія, нами представленныя, должны относительно той части сказаній, въ которой говорится о *паденіи и обътованіи*, имѣть большую силу доказательности въ пользу Моисея, чѣмъ относительно всѣхъ прочихъ; потому что всѣ другія части его сказаній прибавочны сравнительно съ этою, по самому служенію Моисея. Моисей излагаетъ исторію первобытныхъ явленій природы только случайно, а

главный предметъ его повѣствованія есть Религія, нравственно-духовныя отношенія человѣка къ Богу. На этомъ предметѣ главнѣйшимъ образомъ должно быть сосредоточено его вниманіе; въ отношеніи къ этому предмету на немъ лежала, надо согласиться, по его собственному сознанию, преимущественная обязанность быть правдивымъ, и ему тѣмъ удобнѣе было выполнить эту обязанность, что предметъ ея былъ, какъ необходимый, наиболѣе жизненнымъ въ преданіяхъ; къ этому же предмету восходитъ и съ нимъ связывается то благоговѣйное уваженіе, которымъ онъ самъ непрерывно пользовался. Здѣсь-то весь Моисей; и если Моисей — историкъ, который, по всѣмъ приведеннымъ нами причинамъ, долженъ быть признаваемъ за глубоко правдиваго; то въ этомъ по преимуществу отношеніи мы должны приложить къ нему тоже заключеніе и здѣсь то наше довѣріе къ нему должно успокоиться, какъ въ своемъ средоточіи. Моисей, напримѣръ, не обманывался и не хотѣлъ обманывать никого въ повѣствованіи о сотвореніи міра; слѣдственно онъ таковъ же и въ сказаніи историческомъ — о первоначальномъ паденіи, потому что это послѣднее событіе позднѣе перваго и должно было оставить болѣе глубокіе слѣды въ духѣ человѣческомъ, котораго оно касается непосредственно. Моисей считалъ священною обязанностию уважать истину относительно множества другихъ случайныхъ фактовъ, гдѣ интересъ самой истины, по нашему мнѣнію, кажется, требовалъ того, чтобы ее смягчить и представить въ пріятномъ видѣ; слѣдственно, онъ уважалъ истину и относительно этого главнѣйшаго факта, гдѣ весь интересъ оказывается сосредоточеннымъ. Кто рѣшается обманомъ провести главный предметъ, тотъ не начнетъ съ перваго раза рассказывать разныя невѣ-

роятности о предметахъ стороннихъ и къ нему соприкосновенныхъ. Да притомъ, какъ можно подозрѣвать Моисея, будто бы онъ имѣлъ намѣреніе обманывать людей? Изъ того самаго, что невѣріе находитъ такой легкій способъ вести свои словопрѣнія противъ него, не очевидно ли, что Моисей пренебрегалъ этимъ, и какъ будто для невѣрія больше разставлялъ сѣти, чѣмъ для простосердечной вѣры, которой онъ видимо хотѣлъ предоставить заслугу вѣровать вопреки вѣроятности? Невѣріе вполнѣ попало въ эти сѣти; оно нашло то, чего искало; оно по побужденіямъ гордаго самолюбія подыскивалось выставить повѣствованіе Моисея ложнымъ и нелѣпымъ по всѣмъ предметамъ безъ различія, съ тою цѣлію, чтобы отсюда вывести заключеніе о ложности и нелѣпости его сказанія о главномъ предметѣ, по преимуществу возбуждающемъ ненависть невѣрующихъ. Обратимъ же теперь противъ невѣрія его собственное доказательство, и скажемъ: доказано, что Моисей—строго правдивъ относительно всѣхъ предметовъ, въ разсужденіи которыхъ вы такъ усердно старались обличить его во лжи; слѣдственно онъ высказалъ истину и относительно предмета главнаго, принятіе котораго зависитъ, по вашему же умствованію, отъ убѣжденія въ истинности повѣствованія его о всѣхъ прочихъ и вы потеряли даже право укрываться за невѣроятностію этого одного предмета, по тому самому, что приняли на себя попеченіе доказать когда-то въ будущемъ, противъ самихъ себя, что факты могутъ оказаться невѣроятными, и тѣмъ неменѣе однакожь быть вполнѣ истинными.

5. Неправдоподобіе сказанія Моисеева о первоначальномъ паденіи не только не составляетъ препятствія, а напротивъ служитъ условіемъ для нашей вѣры. Какъ бы ни казалось смѣлымъ это

положеніе, его однакожъ легко довести до пониманія здраваго смысла; для этого мы попытаемся разсмотрѣть самую внутреннюю глубину вопроса.

Не входя въ изъясненіе догматическаго смысла, заключающагося въ этомъ повѣствованіи Моисея, и оставляя его безъ всякаго обнаженія, въ его первобытной корѣ, я скажу здѣсь, что всякій предметъ *правдо-подобнымъ*, или *не правдо-подобнымъ*, какъ это показываетъ самое слововыраженіе, представляется намъ потоплику, поколику онъ бываетъ болѣе или менѣе *подобенъ правдѣ*, или сходствуетъ, либо не сходствуетъ, согласуется, либо не согласуется, съ истиною близкою и извѣстною намъ, отъ которой, какъ точки сравненія, мы можемъ уже начать познаваніе предмета правдо-подобнаго, или не правдо-подобнаго. Это познаніе аналогическое. Но всякое подобнаго рода познаніе можетъ быть состоятельнымъ только при двухъ условіяхъ, предварительно выполненныхъ, безъ чего оно по необходимости останется висѣющимъ на воздухѣ: 1) надобно быть свѣдущимъ относительно факта, или событія, подлежащаго изслѣдованію, и всего того, что можетъ относиться къ его природѣ и свойствамъ; 2) надобно также, чтобы обстоятельства, сопровождавшія этотъ фактъ, или событіе, не были совершенно несходны съ тѣми обстоятельствами, въ какихъ находимся мы сами и по которымъ составляемъ сужденіе о немъ. Было бы, напримѣръ, сказано какому нибудь европейцу, что есть на свѣтѣ дерево, тѣнь котораго причиняетъ смерть. Онъ поступилъ бы безразсудно, еслибъ отвергалъ этотъ фактъ, какъ *неправдо-подобный*, потому только что этотъ фактъ *неподобенъ*, не сходствуетъ съ тѣмъ, что ему самому извѣстно, какъ *правда*, какъ истина относительно всѣхъ деревьевъ; нѣтъ, ему надлежа-

ло бы поискать для себя, если возможно, объясненіе на то, что это за дерево, какія составныя его стихіи и отъ чего зависитъ это роковое его свойство. А когда представлено ему подобное объясненіе, и если оно неубѣдительно для него, то онъ опять поступилъ бы безразсудно, еслибъ вывелъ заключеніе о неправдо-подобіи факта; а напротивъ ему слѣдовало бы успокоиться, еслибъ ему сказали, что такое дерево растетъ подъ тропиками, среди природы совершенно отличной отъ той, какая ему извѣстна. Тоже самое надобно сказать и о фактѣ, насъ занимающемъ, и вышесказанномъ положеніи нашемъ касательно его. Мы лишены выше сказанныхъ условій, необходимыхъ для составленія основательнаго сужденія о немъ. 1) Священный бытописатель ничего не представляетъ въ объясненіе входящихъ въ составъ явленія существенностей, которыя были причиною нашего первоначальнаго паденія, служили его развитію и выродились изъ него, какъ слѣдствія. Что это за два дерева,—одно *древо жизни*, а *другое древо познанія добра и зла*, которыя представляются имъющими двоякія свойства физическія и нравственныя, и съ которыми Богу угодно было соединить нѣчто таинственное относительно этой двоякой природы, носимой нами въ самихъ себѣ? Что это за змій, обладавшій способностію говорить и дышавшій ненавистію и разрушеніемъ противъ Бога и человѣка? Былъ ли это простой змій и дѣйствительно былъ ли тутъ змій, или это только наружный видъ змія, или даже аллегорическое наименованіе духа злобы, котораго лукавое криводушіе, вѣроломный и подлый до низкой пресмыкательности характеръ выражается въ этой столь замѣчательной бесѣдѣ, обращенной къ женѣ? Каково стало послѣ грѣха положеніе жены и мужа по отношенію къ

Богу, какія благодѣянія они получили и какихъ еще могли бы ожидать, какіе благодатные дары и вѣшнія пособія даны были имъ въ огражденіе отъ грѣха, словомъ какъ тяжело и важно ихъ преступленіе и неблагодарность предъ Богомъ (*)? А Богъ.. какъ является здѣсь Его правда, святость, благодать и милосердіе къ человѣку? О, какую бездну невѣдомыхъ намъ предметовъ сокрылъ священный бытописатель подъ лаконическою краткостію своего разсказа!! Какими тайнами окружена богодухновенность, внушившая ему этотъ разсказъ?! И какъ дерзко и бесплодно съ нашей стороны желаніе освѣтить эти предметы скуднымъ свѣтильникомъ нашего разума и выдавать себя судьями ихъ правдоподобія?! 2) Теперь предположимъ, пусть были бы даны необходимыя объясненія на всѣ эти вопросы; какая опять дерзость считать эти объясненія неудовлетворительными, когда принимаемъ во вниманіе, что самымъ грѣхопаденіемъ всѣ наши прежнія отношенія нарушены, наше положеніе, равно какъ и положеніе всего, насъ окружающаго, сдѣлалось непохоже и даже противоположно прежнему положенію, и мы находимся въ совершенно иномъ мірѣ, въ живой связи съ иною природою;

(*) Вотъ слова Августина, очень близко относящіяся къ сему предмету: «Адаму не сдѣлано было такого насилія, чтобъ довести его до грѣха, а напротивъ онъ былъ огражденъ противъ паденія страшною заповѣдью Божію, былъ гесподиномъ своей свободной воли, съ полною возможностью не грѣшить, и однакожъ онъ не умѣлъ устоять и при этой столь великой возможности; а мученики, которыхъ міръ вселчески устрашалъ и невыразимо мучилъ, остались непоколебимы въ вѣрѣ, и притомъ они для своего подкрѣпленія имѣли въ виду только невидимое чаяніе тѣхъ самыхъ благъ, полное наслажденіе которыми не удержало Адама (Descor. rupt. et frag).

слѣдственно мы лишены всѣхъ стихій сходства, и поэтому поставлены въ невозможность здраво судить и рѣшать, дѣйствительно ли неправдоподобны эти факты, совершившіеся при иныхъ условіяхъ и иномъ положеніи природы. Все, что мы могли бы, по обыкновенному нашему разсужденію, сказать здѣсь, заключалось бы въ томъ, что эти факты противны тому, что намъ извѣстно по обыкновеннымъ нашимъ опытамъ, и въ семъ смыслѣ представляются намъ неправдоподобными.

Но это самое, говоря строго, и придаетъ имъ *правдоподобіе*; потому что логически такъ слѣдуетъ, чтобы факты *вышестественные* совершались въ положеніи *вышестественномъ*, и что бы послѣ того, какъ они были *правдоподобны* въ первоначальномъ состояніи, уже для насъ несуществующемъ, представлялись *неправдоподобнымъ* въ томъ *естественномъ* положеніи, въ какомъ теперь мы находимся. Разсудите сами, прошу васъ, сколько неправдоподобнымъ представляется теперь фактъ долготѣней жизни людей допотопныхъ, однакожъ въ дѣйствительности его, какъ мы видѣли, сомнѣваться нельзя, а неправдоподобнымъ онъ сталъ отъ измѣненій, вслѣдствіе этого страшнаго переворота происшедшихъ въ жизненномъ устройствѣ нашемъ и въ устройствѣ природы. Какія же должны были произойти измѣненія вслѣдствіе еще болѣе рѣшительныхъ событій совершившихся въ первоначальномъ паденіи, этомъ страшномъ переворотѣ физическомъ и нравственномъ, которымъ совершенно нарушены всѣ отношенія наши къ Богу, къ намъ самимъ и ко всей природѣ, и у насъ не осталось иного самоощущенія и сознанія, кромѣ того что мы разбиты, существенно повреждены, подобно человѣку, при паденіи съ высокаго зданія потерявшему сознаніе о

своёмъ здоровомъ состояніи и отъ свидѣтелей его паденія съ изумленіемъ выслушивающему разсказъ о самыхъ положительныхъ и непосредственныхъ обстоятельствахъ изъ предшествовавшаго его положенія.

Итакъ въ заключеніе скажемъ, что если повѣствованіе Моисеево о событіи паденія рода человѣческаго, послужившемъ основаніемъ искупленію, съ перваго раза представляется намъ неправдоподобнымъ: то это еще не даетъ права отвергать его, потому что его неправдоподобіе есть, такъ сказать, одно изъ условій его истинности и ни сколько не уменьшаетъ столь рѣшительной важности всѣхъ причинъ, заставляющихъ принять его.

4. Изъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ вытекаетъ еще одна послѣдняя, которую, по нашему мнѣнію, мы приобрѣли право привести послѣ всѣхъ причинъ. Эта, поражающая изумленіемъ правдивость Моисея относительно такого множества предметовъ, и притомъ по своей сокровенности такъ мало доступныхъ разуму человѣческому, что только послѣ шести тысячъ лѣтъ неутомимымъ наблюденіемъ удалось проникнуть до нихъ, и этотъ дивный успѣхъ его посольства между людьми запечатлѣваютъ этого необыкновеннаго человѣка блестящими знаменіями богодухновенности и представляютъ его какъ бы нисходящимъ предъ ними съ высоты вѣковъ, какъ нѣкогда съ вершины Синая, сіяющимъ вполнѣ славою Иеговы и держащимъ въ рукахъ книгу, написанную перстомъ самой *Истины*. Такъ онъ говоритъ самъ о себѣ, такъ принять былъ сначала однимъ цѣлымъ народомъ, а потомъ всѣми народами, возрожденнымъ въ *Томъ*, Кого они *ожидали*, какъ своего спасителя; наконецъ, въ самый положительный скепти-

ческій вѣкъ, такимъ же провозгласили его науки, называемыя *точными*, которыя въ семъ отношеніи лучше всего заслуживаютъ это наименованіе. При такой чудной высотѣ, въ какой теперь представляется Моисей, его богодухновенность не только не составляетъ какой либо трудности для разума, а напротивъ служить вѣрнымъ пособіемъ, освобождающимъ его отъ всѣхъ затрудненій, которыя въ противномъ случаѣ ему предстояло бы изъяснить. И признавать Моисея человѣкомъ богодухновеннымъ гораздо легче, чѣмъ человѣкомъ обыкновеннымъ.

Но въ такомъ случаѣ, когда Моисей человѣкъ богодухновенный, тутъ уже все сказано. Уже нѣтъ нужды въ изслѣдованіяхъ, правду ли онъ сказалъ относительно событія поврежденія человѣчества, какъ и всѣхъ другихъ событій, ни въ выводѣ заключенія о его правдивости въ семъ отношеніи посредствомъ простой аналогіи. — Богодухновенность представляетъ несомнѣнное удостовѣреніе сама собою и своими дѣлами; и такъ какъ очевидно главнымъ предметомъ посланничества Моисеева было спасти религіозную истину, изъ начала Богомъ открытую, и поддержать ее между извѣстными людьми до того времени, когда она опять передастся всему остальному міру, ее утратившему: то къ существенному предмету этой истины частнѣйшимъ образомъ и должно относиться озереніе его богодухновенности. — Этотъ предметъ, въ которомъ сосредоточивается все, что есть истиннаго и богодухновеннаго въ священной исторіи, есть первоначальное паденіе человѣчества и *обътованіе* о имѣющемъ совершиться возстановленіи его въ *Томъ*, Кто долженъ *произойти* какъ *сымя жены*, въ *потомствѣ Авраама*, изъ *кольна Иуды*, въ то время, когда это *кольно*

сдѣлается данникомъ иноземной власти, и Кто обратитъ къ себѣ всѣ народы.

И такъ повторяемъ,—сіе то *обѣтованіе* и есть *истина*.

Слѣдственно и Христіанство есть также *истина*, потому что оно одно усвоило себѣ это обѣтованіе, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, и въ немъ одномъ выполняются всѣ условія сего обѣтованія; такъ что внѣ его обѣтованіе становится призракомъ, а въ немъ обрѣтается величественное осуществленіе свое.

Такимъ образомъ истинная Религія,—это замѣчаніе будетъ имѣть многократно свое приложеніе,—соразмѣряетъ свои предъявляемыя права съ своими тайнами и свои основанія для вѣры съ непостижимостію своего содержанія. Величайшая тайна служитъ ей основаніемъ; но какъ ни велика эта тайна, ей однакожь соотвѣтствуетъ такой авторитетъ, который безъ принятія ея и самъ составлялъ бы еще гораздо большую тайну. Довѣріе, какимъ пользуется Моисей, можно сказать, равняется вѣрѣ, которая отъ него требуется; и въ неу мѣннѣ правильно сравнивать одно съ другимъ вообще, уравнивать свѣтъ вѣры съ ея непостижимостію, заключается причина того, что вѣра находитъ въ разумѣ нерасположенность вступать съ нею въ союзъ. Но это зависитъ даже отъ слабости разума нашего и естественной вялости и косности нашей воли; успешные труды противъ этихъ слабостей, исправленіе этихъ недостатковъ составляютъ по истинѣ заслугу и достоинство вѣры. «Я зналъ людей болѣе чѣмъ подозрительныхъ относительно невѣрія, говоритъ ученый естествоиспытатель Плюшъ; они были особеннымъ образомъ поражены и смущены точнымъ соотвѣтствіемъ, какое изъ вѣка въ вѣкъ оказывается между

«различными повѣствованіями Библіи и современ-
 «нымъ состояніемъ общества. Я всегда находилъ,
 «что они бываютъ безпокойнѣе и колеблютъ-
 «ся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе обладаютъ ис-
 «тинною ученостію и здоровымъ образомъ мы-
 «шленія».

Мы могли бы здѣсь окончить свои изслѣдова-
 нія, и величественную истину, составляющую пред-
 метъ ихъ, считать приобрѣтеніемъ; этого было бы
 достаточно для системы человѣческой. Дѣйстви-
 тельно, системы человѣческія, наилучшимъ обра-
 зомъ задуманныя, ограничиваются только однимъ
 порядкомъ идей и понятій, искусно соединенныхъ
 между собою, и если хоть одна изъ нихъ не твер-
 до установлена, отъ нея можетъ пострадать и про-
 чность цѣлаго. Но Христіанство представляетъ ты-
 сячи путей для приближенія къ нему, и всѣ исти-
 ны видимо стекаются около его основаній. Все мо-
 жетъ служить къ его поясненію, и оно можетъ из-
 яснять все. Оно болѣе обременяетъ духъ человѣ-
 ческій увѣрительными свидѣтельствами о своемъ
 божественномъ достоинствѣ, предлагаемыми на его
 изслѣдованіе и испытаніе, чѣмъ жертвами, требуе-
 мыми отъ его вѣры. Не станемъ пренебрегать из-
 слѣдованіемъ этихъ свидѣтельствъ, не отступимъ
 предъ трудомъ, котораго они требуютъ, если мы
 искренно ищемъ истины, умѣемъ цѣнить ея небе-
 сное достоинство и въобрѣтеніи ея полагаемъ по-
 кой нашего сердца и утѣшеніе во всѣхъ труднос-
 тяхъ жизни.

III. О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Новѣйшая наука достигла до признанія истинности повѣствованія Моисеева о всемірномъ потопѣ двумя различными путями: путемъ природы и путемъ исторіи человѣчества. Она разрѣзала и изучила внутренности земнаго шара, а потомъ сдѣлала справку съ преданіями всемірными, и изъ согласнаго показанія обоихъ этихъ источниковъ, вмѣстѣ съ Кювье, вывела такое заключеніе, что истинность сказанія Моисеева о потопѣ *есть одно изъ научныхъ пріобрѣтеній, наилучшимъ образомъ доказанныхъ, и въ тоже время наименѣе ожидаемыхъ священною геологіею, и что воспоминанія народовъ, не имѣющихъ ничего общаго между собою ни въ языкъ, ни въ религіи, ни въ законахъ, не сходились бы такъ согласно относительно этого предмета, еслибъ въ основаніи ихъ не лежала истина* (*).

Сходное съ симъ доказательство можетъ быть представлено и относительно сказанія Моисеева, въ частности касающагося основанія нашей Религіи, т. е. *паденія и возстановленія* человѣчества.

Паденіе человѣчества было тоже въ мірѣ нравственномъ, что потопъ въ мірѣ вещественномъ. Подвергнемъ изслѣдованію внутренности этого міра нравственнаго, и мы увидимъ не менѣе ясно отпечатлѣвшіеся слѣды великаго разрушенія, произведеннаго грѣхомъ, съ тѣми именно характеристическими свойствами, какія приписываются ему священнымъ бытописателемъ.

(*) Discours sur les révolutions du globe, p. 145, 220, 280.

Потомъ обратимся съ допросами къ преданіямъ различныхъ народовъ, и мы увидимъ, что всё они, какъ ни отдѣляются другъ отъ друга разстояніями своего мѣсто-жительства, и нравами и обычаями, еще и теперь по предмету паденія, имѣющаго совершиться возстановленія человѣчества представляютъ согласіе не менѣе поразительное и не менѣе рѣшительное, какъ то, которое привело Кювье къ заключенію, что въ основаніи ихъ лежитъ истина.

Но это еще не все: мы имѣемъ и третій источникъ оправданія, и притомъ чрезвычайной важности, котораго лишена геологія по предмету, относящемуся къ ея области. Въ тѣхъ частяхъ своихъ повѣствованій, гдѣ они касаются прямо предметовъ религій, Моисей рассказываетъ исторію не только прошедшаго, но и будущаго, исторію всѣхъ народовъ и нашу собственную, когда возвѣщаетъ, что одинъ изъ потомковъ жены сокрушитъ главу змія и всѣ народы земные обрѣтутъ благословеніе въ *Томъ, Кто долженъ быть посланъ и Кто будетъ составлять предметъ ожиданія свѣхъ народовъ*. Этимъ, по преимуществу, мы можемъ повѣрять повѣствованіе Моисеево о семъ предметѣ, и увидимъ, что для него представляется самое блестящее оправданіе въ *обстоятельствахъ пришествія и царства Іисуса Христа*, и обратною силою своею служить доказательствомъ Божественнаго достоинства о самой Религій Христіанской, съ которою оно составляетъ лишь одну и ту же истину.

Природа человѣческая, всеобщія преданія, пришествіе Іис. Христа, — вотъ наши доказательства. Можно ли не удовлетвориться этимъ всякому здраво философствующему разуму, хотя бы онъ съ помощію положительныхъ наукъ и не дошелъ еще

до убѣжденія въ богодухновенности Моисея? Въ этихъ наукахъ оказалось достаточно основаній по крайней мѣрѣ для вывода заключенія о семъ предметѣ; и мы, когда, по достиженіи уже до этого заключенія, еще имѣемъ возможность соединить новыя доказательства, столь обширныя и столь важныя, ужели будемъ еще дальше простираť свою требовательность? Въ такомъ случаѣ горе намъ; лучше намъ, если бы мы вовсе не принимались за изысканіе истины; потому что свѣтъ ея, доведенный до извѣстной точки, если не освѣщаетъ, то ослѣпляетъ.

Съ строгимъ вниманіемъ, какого требуетъ эта мысль, мы прежде всего пристунаемъ къ изслѣдованію о *природѣ человѣческой*.

«Во время продолжительныхъ безсонныхъ ночей, говоритъ Федръ, я часто размышлялъ о причинахъ человѣческихъ слабостей и пороковъ: мы знаемъ добро, а дѣлаемъ зло, признаемъ достоинство добродѣтели, а предаемся пороку; жизнь эта усѣяна подводными камнями, на которые, подобно потоку, увлекаетъ насъ злая склонность... Предаваясь этимъ размышленіямъ, я считалъ себя безопаснымъ отъ всякаго беззаконія; между тѣмъ злая страсть, подобно невидимо пущенной стрѣлѣ, вшивалась въ мое сердце!

Эта истина, выставленная Эврипидомъ на театрѣ аѳинскомъ, и чрезъ двѣ тыщи двѣсти лѣтъ воспроизведенная Расиномъ на сценѣ французской, есть одна изъ древнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ и наиболѣе всеобщихъ истинъ, и въ то же время наиболѣе неизъяслима для разума человѣческаго.

Чего греческій поэтъ не раскрылъ для себя во время продолжительныхъ безсонныхъ ночей, и что изучено французскимъ поэтомъ въ просвѣтительныхъ наставленіяхъ свыше, это причина

странной покорности воли человѣческой преобладающимъ злымъ наклонностямъ и врачество противъ этого зла. Это, согласно ученію Св. А. Павла, высказано Расиномъ въ слѣдующихъ словахъ: «Боже мой, какая жестокая брань внутри меня! Я «нахожу въ себѣ два человѣка: одинъ желаетъ, «чтобы сердце мое, полное любви къ Тебѣ, всегда было вѣрно Тебѣ; а другой, мятежный противъ «Твоихъ велѣній, возбуждаетъ меня противиться «твоему закону. (*) Увы! находясь въ борьбѣ съ «самимъ собою, гдѣ я найду себѣ покой? Я желаю, «а никогда не исполняю; желаю, но, по чрезвычайной слабости, не дѣлаю добра, которое люблю, а «дѣлаю зло, которое ненавижу. Умоляю благодать «Твою, Боже, испосли мнѣ спасительную благодать для моего внутренняго умирения, и незамѣтно укрощая этого мятежнаго человѣка, сдѣлай покорнымъ Тебѣ рабомъ этого раба смерти».

Подвергнемъ изслѣдованію эту важнѣйшую истину, проникнемъ въ глубину сердца человѣческаго, гдѣ она проявляется, чтобы тамъ наблюдать ее собственными глазами.

У насъ преобладаетъ наклонность къ злу; это фактъ общезвѣстный. Наша воля повреждена, видимо страдаетъ наклонностію нарушать законы нашей нравственной природы. Достаточно наложить на какой нибудь предметъ запрещеніе, несогласное съ нашими понятіями, и этотъ предметъ тотчасъ становится вождемъ, и въ нашей волѣ возбуждается стремленіе къ нему. *Nititur in vetitum.* — Это, конечно, чрезвычайное уклоненіе отъ закона.

(*) Каждый изъ насъ долженъ сказать при этомъ, какъ Людовикъ XIV, когда читалъ ему Расинъ стихи: «вотъ и я сознаю въ себѣ этихъ двухъ человѣковъ,»

Все въ природѣ подчинено своему закону, — отъ насѣкомаго до свѣтилъ небесныхъ все слѣдуетъ установленному порядку и споспѣшествуетъ всеобщей гармоніи, выражающей творческую премудрость во вселенной. Одинъ человѣкъ производитъ безпорядки и въ обществахъ своихъ представляетъ такой хаосъ заблужденій и пороковъ, что въ нихъ затемнилась даже великая истина бытія Божія, и надобно подниматься выше человѣчества тому, кто захотѣлъ бы снова обрѣсти ее; такъ что считается образцомъ искусства то, когда обличаютъ и осуждаютъ подобнаго труженика. Это, говорю, чрезвычайное уклоненіе отъ закона.

И пусть не говорятъ, что *одинъ* только человѣкъ обладаетъ свободою, а потому неудивительно, что *одинъ* только онъ можетъ ошибаться и погрѣшать. На это я отвѣчаю, что тутъ дѣло идетъ не о *возможности* ошибаться и погрѣшать, а о *легкости*, съ какою онъ увлекается въ ошибки и погрѣшности, о *предпочтеніи*, какое онъ отдаетъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, о *склонности* ко злу. Для того, чтобы человѣкъ стоялъ въ своемъ чинѣ, чтобы это созданіе было таково, каково должно быть, въ соотвѣтствіе со всѣми созданіями Божиими, надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы его свобода была въ равновѣсіи между добромъ и зломъ, стояла прямо какъ бы по отвѣсу сама въ себѣ; но этого мало, а надобно, чтобы его свобода, подобно хорошо устроенному и приготовленному къ дѣйствованію орудію, была поставлена всецѣло въ прямомъ направленіи къ добру. Откуда же въ ней выходитъ такая превратность, что зло стало для нея добромъ? Откуда выходитъ, что даже слово, выражающее добродѣтель, выражаетъ насиліе противъ самаго себя, такъ что подвизающіеся въ добродѣтели удостоиваются почестей, какъ существ-

ва высшія человѣка; столь высоко цѣнятся усилія, которыя они должны были употребить, чтобы стать выше своей склонности ко злу?

Еслибъ мы рождались добрыми, а злыми дѣлались только отъ злоупотребленія собственной свободы, я бы еще могъ понять, что для изъясненія существующаго въ насъ зла нѣтъ нужды идти дальше этой самой свободы. Но это противорѣчитъ той истинѣ, что мы рождаемся злыми, а добрыми дѣлаемся только вслѣдствіе дѣятельнаго упражненія въ добрѣ, при извѣстныхъ пособіяхъ. Мы рождаемся какъ бы на днѣ бездны и только при помощи тысячи рукъ, къ намъ протянутыхъ, достигаемъ того, что начинаемъ мало помалу подниматься надъ нею, всегда впрочемъ оставаясь съ несчастною склонностію опять низринуться въ ту же бездну.

Предоставимъ Руссо говорить въ своихъ сочиненіяхъ, что человѣкъ рождается добрымъ, и опровергать тоже самое на дѣлѣ. У насъ имѣется свидѣтельство достойное уваженія и стоящее выше всякаго подозрѣнія; оно рѣшительно противно этому странному мнѣнію Руссо. «Вообще, говорить Бруссэ, дитя *предпочитаетъ зло добру*, «потому что въ этомъ случаѣ оно больше находитъ удовлетворенія своей суетности, больше волненій душевныхъ. Отъ этого часто видимъ, съ какимъ удовольствіемъ оно ломаетъ и разбиваетъ предметы неодушевленные. Оно забавляется мученіемъ животныхъ (*этому возрасту чужда жалость*),—давно сказалъ одинъ великій философъ), «и съ такимъ же удовольствіемъ рѣшилось бы потѣшиться мукою себѣ подобныхъ людей, еслибъ не останавливалъ его страхъ» (*).

(*) Broussais, De l'iritation et, de la Ijoie, edit. 1828 p. 100.

Да и пужны ли намъ въ семь случаѣ свидѣ-
 тельства науки? Не всѣмъ ли извѣстенъ этотъ пред-
 метъ? «Кто не знаетъ, говоритъ блаженный Авгу-
 «стинъ, съ какимъ невѣжествомъ въ отношеніи къ
 «истинѣ, совершенно ясной и для младенца, и съ ка-
 «кимъ множествомъ злыхъ страстей, начинающихся
 «обнаруживаться съ первымъ выходомъ изъ мла-
 «денчества, является челозѣкъ въ міръ, заражаясь
 «этимъ ядомъ какъ отъ корня, отъ Адама, свойст-
 «ва котораго сообщаются всѣмъ намъ чрезъ самое
 «рожденіе, такъ что еслибы предоставитъ ему жить
 «по своему произволу, то нѣтъ почти преступленія,
 «на которое бы не рѣшился онъ? Законъ и вос-
 «питаніе стоятъ на стражѣ противъ ослѣпленія и
 «злыхъ похотей, съ которыми рождаемся мы. Но и
 «это не обходится безъ особенныхъ трудовъ, скор-
 «бей и болѣзней. Для чего, спрашивается, всѣ эти
 «угрозы, дѣлаемые дѣтямъ, чтобы удерживать ихъ
 «въ предѣлахъ долга? Для чего эти наставники и
 «руководители, эти ферулы и розги, которыя час-
 «то оказывается нужнымъ употреблять и противъ
 «любимаго дитяти, изъ опасенія, чтобы оно не сдѣ-
 «лалось несправивымъ и неукротимымъ? Для чего
 «всѣ эти безпокойства и заботы, если не для того,
 «что бы побѣдить невѣжество и подавить злую по-
 «хоть, — этихъ двухъ недобрыхъ спутниковъ, со-
 «провождающихъ насъ при самомъ появленіи на-
 «шемъ на свѣтъ Божій? Отъ чего выходитъ, что
 «извѣстный предметъ, при наказаніи остается у насъ
 «въ памяти, а безъ наказанія забывается? Что для
 «пріобрѣтенія познанія много нужно труда, и во-
 «все его не нужно, чтобы ничего не знать? Что
 «очень трудно сдѣлаться тщательнымъ, и ничего
 «не стоитъ быть перадивнымъ? Все это не ясно ли
 «показываетъ, къ чему природа наша склоняется
 «собственною тягестію, и въ какихъ пособіяхъ

«она нуждается, чтобы освободиться отъ этой тя-
«жести?» (*)

Все это, у Августина и Бруссэ, высказанное здравымъ смысломъ и подтверждаемое опытомъ въ отношеніи къ человѣку въ частности, можетъ быть съ одинаковою силою приложено къ обществамъ человѣческимъ и даже ко всему человѣчеству. Для убѣжденія въ этомъ достаточно раскрыть глаза и безпристрастно разсмотрѣть, каковъ былъ міръ въ то время, когда Иисусъ Христосъ пришелъ возста-
новить его. Человѣчество, прежде вступленія сво-
его въ училище христіанства, было подобно дитя-
ти, вырвавшемуся изъ подъ опеки своихъ пастав-
никовъ и руководителей и выросшему въ своемъ раз-
вращеніи и невѣжествѣ. Въ какомъ состояніи ум-
ственного мрака и нравственного разложенія пред-
ставлялось тогда язычество, мы это уже знаемъ.
Вотъ къ чему стремитесь и до чего доходить чело-
вѣчество, оставленное самому себѣ! Въ такомъ же
состояніи, или и гораздо худшемъ, было бы оно и
теперь, еслибъ Иисусъ Христосъ не явился образу-
мить и направить его на путь истины и добра по-
средствомъ Божественной силы Креста своего, тай-
на котораго просіяваетъ свойственнымъ ей свѣ-
томъ, когда такимъ образомъ разсуждаютъ объ
этихъ высокнхъ предметахъ.

Такова природа человѣческая. Ее мы заимст-
вуемъ съ кровію отъ самыхъ источниковъ нашей
жизни, вмѣстѣ съ жизнію сообщающихъ намъ и
наклонность ко злу: наши родители передаютъ намъ
только то, что сами получили и съ тѣмъ же на-
правленіемъ, съ какимъ сами произошли отъ сво-
ихъ родителей. Переходя такимъ образомъ по вос-
ходящей линіи изъ рода въ родъ, доходимъ до пер-

(*) August. De civit. Dei.

ваго человѣка, и здѣсь встрѣчаемся съ вопросомъ: такъ ли и онъ отъ Бога, непосредственнаго Творца своего, получилъ эту злую склонность, подавляющую въ немъ добрыя стремленія и составляющую отличительное свойство всего его потомства? Если бы кто имѣлъ дерзость высказаться въ семъ отношеніи положительно, то ему не остается больше ничего, какъ отказаться отъ вѣры въ самое бытіе Бога. Что, въ самомъ дѣлѣ, поддерживаетъ въ насъ вѣру въ Бога, какъ не премудрость, благодать и святость Его, сіяющія въ порядкѣ, стройности и разнообразномъ богатствѣ жизни его твореній? Думать, по этому, будто Онъ же сотворилъ человѣка—лучше созданіе свое въ такомъ состояніи испорченности и развращенія, въ какомъ мы знаемъ его теперь, значить уничтожить въ идеѣ о Богѣ все, что ее составляетъ, значить вовсе отрицать существованіе Бога. Но все остальное въ природѣ заставляеть насъ отступать предъ такимъ умозаключеніемъ. Какое же намъ слѣдуетъ принять заключеніе? То, что Богъ свое лучшее созданіе необходимо запечатлѣлъ благодію и правотою, совершенствомъ и стройностію во всѣхъ отношеніяхъ, свойственными Его собственной природѣ, и которыми Онъ ущедрилъ въ различной степени всѣ существа, вышедшія изъ рукъ Его; что человѣкъ былъ сотворенъ правымъ и совершеннымъ и соотвѣтственно своимъ способностямъ стоялъ въ правильныхъ отношеніяхъ къ Богу, самому себѣ и окружающей его природѣ; что послѣ уже, когда нарушены были эти отношенія и человѣкъ вышелъ изъ своего чина, что продолжается донынѣ, природа возстала противъ его чувственности, чувственность—противъ его разума, а разумъ—противъ Бога. Такое превращеніе порядка есть позднѣйшее сотворенія событіе. И такъ какъ человѣкъ,

удостоенный высокаго дара свободы, по самой природѣ своей, обязанъ былъ блюсти дарованное ему совершенство и заботиться о его возрастаніи подь собственною отвѣтственностію; то совершенное имъ разстройство дѣла Божія вмѣняется ему, и такое разстройство необходимо должно имѣть свою причину въ первомъ преступленіи, которое, заразивъ корень человѣческаго рода, осквернило и всѣ происшедшія отъ него вѣтви; почему поврежденіе переходитъ къ намъ, какъ прирожденное самой природѣ нашей.

Что сказано нами о злѣ нравственномъ, зависящемъ отъ испорченности воли, тоже можетъ быть сказано и о злѣ физическомъ, состоящемъ въ болѣзняхъ, страданіяхъ и разваго рода несчастіяхъ.

Человѣкъ, рожденный женою, живетъ не долго на землѣ, и эта краткая жизнь наполнена бываетъ длиннымъ рядомъ бѣдствій. Тяжелое ярмо наложено на всѣхъ сыновъ Адама. Одного ожиданія неизбѣжно предстоящей имъ смерти кажется довольно бы для того, чтобъ отравить всѣ удовольствія жизни; но и жизнь сама по себѣ служитъ лишь добычею такихъ скорбей и страданій, что даже смерть, какъ она ни ужасна по природѣ, становится для нихъ вождедѣнною, и часто ее ждуть, не дождутся, и рѣшаются ускорить насильственно. Правда, привычка совершаетъ свое обыкновенное дѣйствіе, и мы, подобно растеніямъ, перенесеннымъ въ новый климатъ, свыкаемся съ такимъ существованіемъ; надежды одна другую смѣняющія до самой могилы, разстилаютъ предъ нашими глазами обманчивую завѣсу, скрывающую отъ насъ ужасное и отвратительное зрѣлище нашего положенія. Но и привычка эта несчастна, и обольщеніе это пагубно; ибо они облегчаютъ наше положеніе только обманомъ. Нѣтъ человѣка нетинно

разумнаго, который не предпочелъ бы истинны самой угрюмой заблужденію самому ласковому и пріятному, и философія истинная въ томъ именно и состоитъ, чтобы человекъ сознавалъ себя въ настоящемъ состояніи, и все прочее какъ оно есть. Кто могъ бы перенести это зрѣяще, если бы оно представилось и въ томъ видѣ, въ какомъ старался передать его намъ геній Мильтона, когда онъ представляетъ Ангела Господня возводящимъ согрѣшившаго Адама на высокую гору и показывающимъ ему всѣ бѣдствія, обрушившіяся на его потомство? — «О, злополучный родъ человѣческой! — сказали бы мы тогда съ нимъ, — до какого униженія ты испалъ, на какое бѣдственное состояніе ты обреченъ! Если бы мы знали, что принимаемъ, кто захотѣлъ бы принять такую жизнь, когда бы ее предлагали! Не скорѣе ли умолялъ бы избавить отъ нея, довольствуясь тѣмъ, что его могутъ отпустить съ миромъ» (*).

(*) *Paradis perdu* Chant. XI. Это чувство такъ не поддѣльно, что даже среди самаго полного благосостоянія въ общественномъ положеніи, оно было испытано и высказано почти въ тѣхъ же выраженіяхъ женщиною, которая съ плѣнительными дарованіями ума соединяла поистинѣ такую великую душу, что не могла не чувствовать глубокой бѣдности человѣческой участи вопреки всѣхъ обольщеній нашей суетности. «Ты спрашиваешь меня, мое милое дитя, — всегда ли я ощущаю искреннюю любовь къ жизни, писала къ своей дочери Г. Ж. Севиньи. Признаюсь, я нахожу въ жизни жгучія скорби, но еще больше испытываю отвращеніе къ смерти: ею окончить здѣсь кажется мнѣ такимъ несчастіемъ, что, если бы возможно было возвратиться назадъ, я ничего лучшаго не пожелала бы. На мнѣ лежатъ обязанности, которыя тяготятъ меня; я запутана въ жизни безъ моего согласія; надобно изъ этого выдти, это меня подавляетъ. Но какъ я выду, куда и какою дверью? Когда это будетъ и по какому распоряженію? Въ этихъ

Гдѣ же вина такого бѣдственнаго состоянія челоуѣчества — въ Богѣ, или въ челоуѣкѣ? Съ рѣшеніемъ этого вопроса, такъ или иначе, неизбѣжно или согласиться на все уродливыя нецѣлостіи атеизма, или принять тайну грѣха первороднаго. Средины здѣсь нѣтъ.

Нельзя допустить мысль, что Богъ неправосуденъ, безъ отрицанія Его бытія; потому что мы не можемъ и представлять Его иначе, какъ самою правдою высочайшею. Но подъ властію Бога правосуднаго никто не долженъ быть злосчастливымъ, если только самъ того не заслужилъ. Челоуѣкъ

помыслахъ я теряюсь и нахожу смерть столь страшною, что и жизнь больше ненавижу за то, что она ведетъ къ смерти, чѣмъ тѣ терны, которыми она устѣяна. Выходить, скажешь, что я желала бы жить вѣчно. Совсе нѣтъ; но если бы здѣсь требовалось мое согласіе, то я лучше желала бы умереть на рукахъ моей кормилицы» (отъ 16 мар. 1672 г.).

Извѣстна мрачная, по истинѣ, картина челоуѣка, написанная Плиніемъ старшимъ: «изъ всехъ животныхъ одного челоуѣка выбрасываетъ природа на голую землю, гдѣ онъ съ первой минуты становится жертвою слезъ и воплей. Изъ такого множества существъ, живущихъ ни одно не обречено больше, чѣмъ онъ, проливать слезъ, и эти слезы начинаются вмѣстѣ съ жизнію; а смѣхъ? великіе боги! Если даже онъ и предупреждаетъ время, смѣхъ на устахъ его появляется не прежде сороковаго дня... Рожденный предъ такими блестящими предзнаменованіями, онъ выпрямляетъ связанныя ноги и руки, и все плачетъ, и это-то существо, которое должно нѣкогда давать законы прочимъ животнымъ. Его жизнь начинается казнями, а все его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ родился: *unam tantum ob culpam, quia natum est...* etc...»

Туже картину изобразилъ Лукрецій еще прежде Плинія. Какъ ни краснорѣчивъ этотъ естествоиспытатель, но онъ не выше поэта. «Подобно мореплавателю, разъяренными волнами вы-

злосчастенъ, слѣдственно онъ самъ это заслужилъ; и такъ какъ несчастіе его наследственно, то вина, за которую онъ терпитъ такое несчастіе, должна быть изначальна.

Пусть это разсмотримъ въ томъ и другомъ отношеніи отвергающіе догматъ о первородномъ грѣхѣ, потому что будто бы онъ противорѣчитъ правдѣ Божіей. Въдъ это фактъ, котораго нельзя отвергнуть, какова бы ни была его причина, фактъ тотъ, что человѣчество несчастно, и несчастіе его наследственно. Но съ признаніемъ этого факта устранять первородный грѣхъ значитъ оскорблять правду Божию гораздо больше, чѣмъ можно тоже

брошенному на песчаный берегъ, младенецъ начинаетъ жизнь безъ всякихъ жизненныхъ средствъ нагой, лежащій на землѣ, не въ состояніи даже говорить: какъ только природа, съ болѣзнями исторгнувшая его изъ утробы матерней, выбросила его на свѣтъ, онъ жалобными криками сталъ наполнять мѣсто, его принявшее, что вполне соответствуетъ той злосчастной долѣ, по которой ему предстоитъ въ жизни перенести столько бѣдствій и скорбей!»

Tum porro puer, ut saevis projectus ad undis
 Navita, nudus humi, jacet, infans indignus omni
 Uitali auxilio, quum primum in luminis oras
 Nixibus ex alvo matris Natura profudit
 Vagituque locum lugubri complet, ut oequum est,
 Cui tantum iu vita restet transire malorum.

(Lib. V, U. 223 — 228).

Какимъ жалобно-грустнымъ, безъ конца протяженнымъ тономъ отзывается этотъ послѣдній стихъ! Изъ этого столь справедливаго разсмотрѣнія естественной бѣдности человѣка Плиній и Лукрецій замѣтствуютъ наиболѣе сильное доказательство въ защиту своего атеистическаго ученія; и они были послѣдовательны, не имѣя понятія о грѣхѣ первородномъ.

представить при наслѣдственномъ вмѣненіи этого грѣха; ибо въ такомъ случаѣ у правды Божіей отнимается всякое законное начало дѣйствованія. Если кому представляется, будто Богъ несправедливо поступаетъ, вмѣняя дѣтямъ преступленіе отца; то несравненно больше допускается несправедливости, когда думаютъ, будто Онъ наказываетъ дѣтей за преступленіе, котораго самъ отецъ не сдѣлалъ, а только за *ту одну вину, что родились отъ него*. А такъ какъ безспорно, дѣти несутъ наказаніе, то необходимо, во избѣжаніе отрицанія бытія Божія, допустить, что они несутъ наказаніе за какое-то преступленіе, которое, не будучи ихъ собственнымъ непосредственно, должно быть по необходимости изначальнымъ, или первороднымъ.

Итакъ все насъ приводитъ къ разсматриваемой истинѣ, записанной въ книгѣ Бытія.

Но чтобы убѣдиться въ ней еще больше, обратимся къ психологической сторонѣ нашего предмета и разсмотримъ его во всей его глубинѣ.

Мы сказали, что поврежденная природа наша, съ какою мы рождаемся, должна имѣть начало своего поврежденія въ грѣховной заразѣ *изначальной* (originelle); потому что ни съ идею о Богѣ, ни съ свидѣтельствомъ природы никакъ невозможно примирить мысль, будто человѣкъ такимъ вышелъ изъ рукъ Творца; онъ сотворенъ, должно быть, необходимо добрымъ, въ своей мѣрѣ совершеннымъ и блаженнымъ. Это очевидно подтверждается остатками величія, какіе усматриваются въ немъ еще и теперь.

Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ поврежденіи своей природы, человѣкъ еще не до такой степени погрязъ въ бездну зла, чтобы въ немъ невозможно было замѣчать качества, напоминающихъ о его

первозданномъ совершенствѣ, ибо у него осталась идея добра, есть желаніе быть добрымъ и уваженіе добродѣтели, есть тайный источникъ порядка нравственнаго. Нѣтъ души до того очерствѣлой, что бы въ ней не возникали по временамъ помыслы и желанія сдѣлать доброе дѣло; а толпа, въ которой болѣе выразительнымъ образомъ обнаруживаются въ добрую или худую сторону свойства и наклонности, присущія природѣ нашей, часто высказывается при видѣ добродѣтели такимъ восторженнымъ удивленіемъ, такимъ горячимъ сочувствіемъ, что, судя по ея единодушію, можно иногда бы подумать, что земля населена вполне существами небесными. Но все подобнаго рода блаженныя расположенія остаются въ обыкновенномъ порядкѣ жизни сокрытыми въ насъ и какъ бы зарытыми въ землю, и только случайно появляются они наружу, или посредствомъ продолжительнымъ подвиговъ можно вызывать ихъ. «Это, говоритъ Боссюэтъ, какъ бы остатки бывшаго нѣкогда весьма «стройнаго и величественнаго зданія, въ настоящее «время находящагося въ развалинахъ и засыпаннаго землею, но которое еще и теперь въ самыхъ «развалинахъ сохраняетъ нѣкоторые слѣды своего «первоначальнаго величія, свидѣтельствующаго о «высокой мудрости его Художника» (*); или заимствуемъ подобіе изъ науки,—это какъ бы ископаемая порода, затерявшіяся въ безднахъ души, свидѣтельствующія о прежде существовавшемъ порядкѣ и о разрушительномъ насиліи, его непревергнувшемъ. Отсюда въ насъ два міра, двѣ природы, два чловѣка, которые состоятъ въ непрерывной борьбѣ между собою. Въ этой борьбѣ чловѣкъ, въ настоящемъ своемъ положеніи, никакъ

(*) Bossuet, 1-er Sermon sur le jour de la Pentecote.

не можетъ исправиться, если не будетъ оказана ему сверхъ-естественная помощь. Онъ непрестанно прорывается подняться выше, но врагъ его постоянно овладѣваетъ имъ, преодолеваетъ его, подавляетъ. Впрочемъ легко примѣтить, что отличительное свойство въ направленіи его жизни есть добро; ибо къ добру первоначально мы чувствуемъ влеченіе, его желаемъ и одобряемъ; а зло приходитъ только въ послѣдствіи, какъ жестокій хищникъ, облагающій злою данью всѣ наши добрыя расположенія, и разрушающій всѣ наши планы и предположенія о нравственномъ исправленіи. Мы знаемъ добро и понимаемъ его достоинство, а увлекаемся зломъ.

Vide meliora proboque, deteriora sequor,

сказалъ Овидій, что повторилъ Еврипидъ, а въ послѣдствіи и Расинъ со словъ святаго Апостола Павла; потому что психологическіе факты, о которыхъ мы разсуждаемъ, составляютъ то, что есть наиболѣе вѣрнаго и постояннаго въ природѣ нашей. Что сказано нами о сердцѣ человѣческомъ относительно добродѣтели, тоже можно сказать и о разумѣ относительно истины и о всемъ существѣ нашемъ относительно покоя и блаженства. Всякій человѣкъ носитъ въ себѣ это странное явленіе величія и бѣдности, высокихъ стремленій и безсилія, свѣтлыхъ надеждъ и горестныхъ обольщеній. Его разумъ, сердце и чувства представляютъ тройственное зрѣлище смѣшенія и борьбы между свѣтомъ и тьмою, между добромъ и зломъ, между радостями и скорбями, и притомъ всегда съ тою поразительною особенностію, что тутъ является роковая склопность, увлеченіе къ заблужденію, ко злу, къ тому, что видимо составляетъ наше униженіе, позоръ и несчастіе, и намъ непрестанно на-

добно съ тяжкимъ трудомъ и въ потъ лица своего вновь подниматься на стези истины, правды, блаженства и покоя.

Вотъ, человѣкъ! Онъ самъ для себя тайна самая неразрѣшимая, загадка самая прискорбная.

Всѣ отважно принимавшіе на себя рѣшеніе ея, обманывались на счетъ этого дѣла и послѣдствіемъ ихъ труда была только порча данныхъ въ этой загадочной тайнѣ. — Дѣйствительно, одни изъ нихъ, принимая во вниманіе только то, что есть громаднаго и многознаменательнаго въ ней, существующее зло превратили въ какое-то темное божество. Другіе, разсматривая въ этой тайнѣ только то, что служить къ униженію человѣка, о самомъ человѣкѣ составили понятіе, какъ о существѣ отверженномъ природою. Наконецъ третьи, не зная, что сказать объ этой многознаменательной смѣси добра и зла въ человѣкѣ, признали въ ней только игру случая, обращенную ими въ орудіе противъ Божественнаго промысла.

Одна Божественная философія христіанская, наслѣдница ученія и обѣтованія, относящихся къ преданіямъ, записаннымъ у Моисея, разгадала эту тайну. «Обманываетесь вы, мудрецы вѣка сего, говорила она. Человѣкъ — не забавная игрушка природы, потому что со стороны ея онъ подлежитъ столькимъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Еще мнѣ онъ можетъ быть существомъ отверженнымъ природою, потому что въ немъ есть нѣчто такое, что гораздо выше самой природы. Откуда же происходитъ эта столь странная несообразность и почему эти качества и великія дарованія въ такихъ дурныхъ соотношеніяхъ находятся между собою? Нужно ли говорить объ этомъ? И малые, полуразрушившіеся домишки, представляющіе рѣзкую несообразность съ величественными основаніями,

«на которыхъ они стоятъ, не со всею ли очевидно-
 «стію говорить, что зданіе, первоначально тутъ по-
 «строенное, потеряло свою цѣлость? Возстановите
 «умственно это зданіе по оставшимся основаніямъ,
 «и вы увидите тутъ слѣды Божественной десницы;
 «а разнохарактерность работы (теперь замѣчаемой
 «въ зданіи) тотчасъ укажетъ, какая примѣсь при-
 «внесена сюда грѣхомъ О, Боже! какая это смѣсь?
 «Я едва узнаю себя. Это ли тотъ человѣкъ, со-
 «зданный по образу Божію, чудо премудрости Твор-
 «ца, лучшее твореніе Его рукъ? Онъ самый, не со-
 «нѣвайтесь въ этомъ. Откуда же это въ немъ столь-
 «ко разнохарактерности и безобразія? Это вышло отъ
 «того, что на зданіи Творца человѣкъ рѣшился самъ
 «строить по своему и уклонился отъ Божественна-
 «го плана; такимъ образомъ, вопреки правильности
 «первоначальнаго предначертанія, въ немъ появилось
 «смѣшеніе безсмертнаго съ тлѣннымъ, духовнаго
 «съ плотскимъ, ангельскаго съ низкимъ животнымъ
 «или звѣрскимъ. Вотъ объясненіе загадки; вотъ раз-
 «рѣшеніе всякаго затрудненія! Одна вѣра возвраща-
 «етъ насъ намъ самимъ, и постыдныя слабости на-
 «ши не въ состояніи уже скрывать отъ насъ есте-
 «ственное достоинство наше.»

ПРЕДРАЗСУДКИ.

III.

О ГАДАНІЯХЪ ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Братіе! Ваши дочери—дѣвицы, особенно невѣ-
 «сты, вечеромъ подъ новый годъ обыкновенно гада-
 «ютъ про свою будущую, супружескую жизнь. Спо-

(*) Bossuet, Sermon sur la mort, 2-e point.

собовъ гаданій очень много; гадаютъ по курамъ и овцамъ, слушаютъ лай сабакъ, окликаютъ мимо-проходящихъ, ходятъ за чѣмъ-то на проруби и т. под.

Откровенно скажу вамъ, что безсмысленны всѣ таковыя и подобныя имъ гаданія. Такъ какъ вся наша жизнь находится во власти всемогущаго Бога (Дѣян. Ап. 17, 28), *Иже живемъ, движемся и существуемъ*, по слову Апостола; то какъ же можно намъ грѣшнымъ узнать то, что будетъ съ нами впереди? Положимъ, иногда для возвѣщенія будущаго посылаются отъ Бога Ангелы; но тамъ Ангелы и на то—Божія воля; какъ же предвѣстниками будущаго могутъ быть овцы, куры, собаки и т. под. Знайте, братіе, что эти суевѣрія суть цѣлкомъ—языческія и прокляты Господомъ, о чемъ уже была рѣчь. И на то обратите вниманіе,—есть ли польза отъ упомянутыхъ гаданій? Не знаю какъ вы, а я увѣренъ и васъ увѣряю, что нѣтъ отъ нихъ никакой, даже малѣйшей пользы; потому что они никогда не приведутъ васъ къ правдѣ. А если иногда загаданное и сбывается и какъ будто походить на правду, то этому не удивляйтесь; потому что можетъ случиться, что изъ множества загаданнаго одинъ, или два случая какъ нибудъ и будутъ походить на настоящее дѣло, тѣмъ болѣе что въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ усиливается отыскать хотя что нибудъ похожее на занимающее его обстоятельство. Къ тому же,—острая мысль находить сближеніе и тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ.

И мало того, что гаданія безсмысленны и бесполезны; вникните, и вы найдете въ нихъ еще грѣхъ, и не маловажный. Чѣмъ бы человѣку вполнѣ надѣяться на Господа Бога и у него Единаго просить себѣ милости; а тутъ надежда на какія-то глупыя гаданія. Такойъ человѣкъ не довѣряетъ

всeблагому о насъ промыслу Божию и унижаетъ премудрую волю Его, или вѣрнѣе, самъ человекъ доходитъ до такой низости, что посредствомъ безсмысленныхъ гаданій желаетъ узнать то, что находится во власти Божіей и отъ насъ сокрыто. Не такъ, братіе, нужно встрѣчать новый годъ; не такъ.

Каждому православному христіанину вечеромъ подъ новый годъ слѣдуетъ въ усердной молитвѣ благодарить Господа за прошедшій, а утромъ идти къ службѣ Божіей, чтобы и новый годъ начать молитвою же. А у васъ какъ?.. Съ вечера до полночи бѣготня по дворамъ и улицамъ, шумъ, грохоть и пустые разговоры, а утромъ, во время утрени, головы туманныя... вмѣсто молитвы сонныя зѣвоты... Такимъ образомъ и старый годъ конченъ плохо и новый начинается не лучше.

Еще не все... Вечеромъ же подъ новый годъ ваши дѣти кличуть по чужимъ окнамъ какаго-то *авсеня*, выпрашивая при томъ какія-то *ноги*, которыя на новый годъ и съѣдаются ими; и все это съ разными нелѣпыми приговорами, съ грохотомъ и даже съ пляскою послѣ веселаго обѣда. Кто же это-такой авсень? Кто его изъ васъ видѣлъ?.. Кому изъ васъ оцъ сдѣлалъ какое нибудь добро?.. Скажите, для чего его кличуть??..

Братіе и сестры возлюбленные! Выбирайте изъ старины то, что хорошо и полезно, это дѣлайте въ свободное время, для отдыха, — и скотина отдыхаетъ; пусть и дѣти играютъ, какъ играли ваши добрые предки, такъ чтобы на эти игры можно было всякому смотрѣть безъ стыда, чтобы это былъ настоящій отдыхъ. Но то, что некромно, что попусту изнуряетъ, что даже со грѣхомъ, какъ языческое и богопротивное, то оставляйте. Этотъ авсень есть какой нибудь божокъ,

которому кланялись и праздновали наши дѣды — язычники; для нихъ онъ ничего не значилъ и никакой пользы не приносилъ; но предки наши жили въ невѣдѣніи истиннаго Бога, не были просвѣщены свѣтомъ евангельскимъ. Чтожъ такое онъ—авсень для насъ православныхъ христіанъ? Этотъ обычай мало того, что глупъ и бесполезенъ, но и Богу противенъ, тотому что кто кличетъ авсень, тотъ угождаетъ діаволу, поддерживающему этотъ обычай, и тѣмъ показываетъ, что у него слаба вѣра въ Бога истиннаго.

Благодареніе Господу за то, что этотъ обычай, какъ слышно, уже слабѣтъ; въ прежніе годы будто-бы *громче* кликали авсень... И я надѣюсь, братіе мои, что на будущій новый годъ совсѣмъ удалится изъ нашего села этотъ ненавидимый мною авсень. Васъ прошу, отцы и матери, остановить своихъ дѣтей отъ ухаживанія за авсенемъ, котораго не было на свѣтъ, теперь нѣтъ, да чтобъ его не было въ православномъ селѣ нашемъ никогда.

Слушатели возлюбленные! Отъ всей души желаю, чтобы дѣти ваши кончали настоящей и начинали новый годъ такъ, какъ это было въ прежніе годы. Внушите лучше своимъ дѣтямъ, чтобы они, при раздумьи о своей будущей—супружеской жизни, всю надежду возлагали на Господа Бога и у Него—одного просили себѣ милости: Онъ одинъ — истинный податель счастія и скорый помощникъ въ несчастіи: *Имъ живемъ и движемся и существуемъ*. За совѣтами о будущемъ своемъ пусть обращаются съ довѣріемъ къ вамъ; сердце матери часто—вѣрнѣйшій пророкъ, а опытная голова отца и не подумаетъ о лихъ дѣтищъ. Господь да просвѣтитъ васъ и да благословитъ!

IV.

**объ обычаяхъ, совершаемыхъ въ 6 и 3
числа мѣсяца Января.**

На праздникъ Крещенія Господня, каждый изъ васъ, почтенные хлѣбопашцы села сего, считаетъ необходимою *кормить скотину свою немолоченными снопами отъ каждаго хлѣба*; если же у кого какого—нибудь хлѣба нѣтъ въ снопахъ, тотъ кормитъ зерномъ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, ведется изстари, а потому и уважается всѣми вами и считается дѣломъ необходимымъ. Но хорошъ ли онъ и стоитъ ли того, чтобы выполнять его непременно?

Положимъ, что убытка отъ этого обычая мало, такъ что не стоило бы и говорить о немъ, хотя бываютъ и такіе случаи, что скотина объѣдаясь умираетъ. Но главное не въ томъ, а для чего кормите такъ на Крещеніе собственно? Почему этого не дѣлаете на Рождество Христово, на святую Пасху, или на другой какой праздникъ? Самъ я не нахожу никакой уважительной причины къ тому, и изъ васъ объяснить мнѣ никто не могъ; говорятъ только, что нельзя этого не дѣлать, — такъ ужъ стариками заведено.

Но, быть можетъ, многимъ изъ васъ кажется страннымъ, что я съ сего святаго мѣста не о томъ поучаю васъ какъ питать вамъ души свои, алчущія и жаждущія правды небесной, а о томъ, какъ кормить вамъ скотъ вашъ? Но говорить объ этомъ меня болѣе заставляеть другой вашъ обычай, совершаемый многими изъ васъ на другой день Крещенія, на праздникъ Іоанна Крестителя, тѣсно связанный съ преждеупомянутымъ, такъ какъ въ

немъ я нахожу что-то особенное, неприличное не только православному христіанину, но даже благо-разумному человѣку. Что же это такое?

Нѣкоторые изъ васъ — домохозяевъ, собравъ остатки отъ крещенскаго корма въ день Иоанна Крестителя, между утреннею и обѣднею, зажигаютъ оныя среди дворовъ своихъ; и бывало гдѣ-то, какъ я слышалъ, что дѣвицы перепрыгивали чрезъ этотъ огонь. Иные же изъ хозяевъ сожигаютъ тѣ остатки въ печахъ.

Православные! для чего это дѣлается? Если скажете, что и это такъ изстари ведется, то этого мало. Къ чему необдуманно придерживаться пустой старины... Впрочемъ, нѣкоторые для того будто бы жгутъ остатки отъ корма среди дворовъ, чтобы лучше скотина водилась. Ахъ! нѣтъ, возлюбленный, не жди себѣ отъ этого никакой пользы; знай, что только постоянный благоразумный уходъ, хорошій кормъ, да милость Божія—суть вѣрныя и безошибочныя средства къ разведенію скота твоего. Безъ этогоже — никакая ворожба, никакія умыванья не помогутъ, а скорѣе поведутъ къ разстройству, потому что такой суевѣрный хозяинъ, какъ не имѣющій твердой надежды на милость Божию, лишается благословія Господня. И вы, конечно, знаете такихъ хозяевъ, которые не жгутъ остатковъ отъ корма крещенскаго среди дворовъ, а хозяйство имѣютъ отличное.

Иные же, какъ слышалъ я, жгутъ съ тою мыслию, что, такъ какъ кормъ окропленъ де святою водою, то остатки отъ него, какъ освященные ею, не должны идти въ навозъ. Но, по установленію св. Отца, крещенскою св. водою не только не возбраняется, но даже повелѣвается окроплять всѣ мѣста, даже и тѣ, кои отдѣлены для навоза и т. п.; чрезъ это она не оскверняется, а потому совершенно

излишнее дѣло сжигать остатки отъ крещенскаго корма потому только, что на нихъ есть малѣйшая часть св. воды, особенно же среди двора, потому что отъ этого недалеко опасность сгорѣть и самому двору; но вы съ огнемъ вообще обращаетесь удивительно безпечно.

Наконецъ, нѣкоторые говорятъ, что для того жгутъ остатки, чтобы *Христа обогрѣть*... Это, возлюбленные, мало того что глупо, а весьма суевѣрно и богопротивно. Какъ можно къ дражайшему имени нашего Спасителя прилагать такія пелѣныя слова? Какъ ты Его обогрѣешь, когда и сами мы *Имъ живемъ и движемся и существуемъ*? Опъ всѣхъ насъ кормитъ и одѣваетъ, поитъ и согрѣваетъ, свѣтитъ намъ, просвѣщаетъ святымъ Евангеліемъ своимъ и спасаетъ насъ... А ты хочешь обогрѣть Его — и чѣмъ же? Едва едва курящимся огонькомъ и такимъ дымомъ, что и тебѣ нѣтъ терпѣнія стоять подъ нимъ. Смотрите, какъ безсмысленъ этотъ обычай!! Глупы и тѣ, которые для чего-то прыгаютъ чрезъ этотъ огонь; но объ нихъ и говорить ничего не стану. Перестаньте вы, отцы, сжигать остатки отъ корма среди дворовъ, и дѣти ваши не станутъ болѣе прыгать чрезъ огонь...

И вашъ обычай — кормить на Крещеніе немолоченными снопами скотину не имѣетъ въ себѣ ничего интереснаго, чтобы непременно выполнять его. Совѣтую, или во все оставить его, или кормить понемногу, а лучше всего и въ другіе праздники улучшайте кормъ для скота и во всякое время не морите его, помня слова св. Писанія: *блаженъ милуай скоты*. А сжигать остатки отъ корма вовсе оставьте, потому что — кто съ какою мыслию будетъ выполнять его? а то — одному будетъ бесполезенъ, другому вреденъ, иному же обратится въ

грѣхъ. Но вотъ что совѣтую попомнить и исполнять непременно: крещенскую св. воду запасайте на круглый годъ и берегите ее въ чистой посудѣ и приличномъ мѣстѣ. Грозитъ какое несчастіе твоему хозяйству, — спѣши съ молитвою окропить домъ свой и весь дворъ. Заболитъ ли скотина, — также съ молитвою окропи больную, напои ее св. водою и кормъ окропи ею-же. Вотъ это будетъ и благо-разумно, и по Божью. —

Да будетъ благословеніе Господне на васъ и на хозяйствѣ вашемъ!! —

Священникъ Іоаннъ Сеславинскій.

С. Старое Юрьево.

ПАПА И РИМЪ.

Родными были вы когда-то,
Востокъ и Западъ, межъ собой,
И о Христѣ, какъ два собрата,
Водились вѣрою одной.
Теперь же Римъ — инаго духа,
Не обращаетъ къ брату слуха.
За чѣмъ, за чѣмъ презрѣлъ ты, Римъ,
Стѣсненный Іерусалимъ?

Ты съ мудрованьемъ дерзновеннымъ
Далеко отступилъ, — и чтожь?
Явился весь ты искаженнымъ,
И на себя сталъ не похожь.
Не можемъ зрѣть безъ сожалѣнья
Тебя, о, чадо заблужденья!
Какихъ ты не извѣдалъ золь
За свой упрямый произволь!

Замысловато обращаться
 Привыкъ ты съ вѣрою святой;
 Софизмы строить, ухитряться
 Ты любишь, право, всей душой.
 И вотъ, всё новые догматы
 Твои послушные легаты
 Гласятъ отъ имени отца —
 Сего святаго мудреца....

Твоя давнишняя затѣя,
 О, христіаннѣйшій нашъ Рямъ!
 Твердить, нисколько не краснѣя,
 Что Папа твой непогрѣшимъ.
 Но вспомни времена былыя:
 Извѣстно, что отцы святые
 Всегда стекались на соборъ,
 И тамъ рѣшали каждый споръ.

А это что еще такое —
 Царемъ быть папѣ и отцу!
 Нѣтъ, нѣтъ, — величіе земное
 Ему некстати, не къ лицу.
 За чѣмъ же быть ему въ коронѣ?
 Ему ль сидѣть на царскомъ тронѣ,
 Мѣнять кlobукъ свой на вѣнецъ,
 Смиренну келью — на дворець?

И чтобъ намѣстнику Петрову,
 На поученіе, въ примѣръ,
 Прочестъ земную жизнь Христову?
 Тогда бъ увидѣлъ иновѣръ,
 Что Царь царей и всѣхъ Спаситель
 Народовъ не былъ повелитель:
 Для всѣхъ людей рабомъ Онъ былъ
 И Кесарю Онъ дань платилъ.

А Петръ? а Климентъ? а Григорій?
 Изъ жизни ихъ мы узнаемъ,
 Они не знали тѣхъ теорій,
 Что Папѣ должно быть царемъ.
 Для охраненія покоевъ
 Они не ставили конвоевъ
 И не тревожились войной,
 Когда расчетъ былъ въ ней земной.

О всемъ повѣдать заблужденны
 Не станеть, кажется, и силъ:
 Такъ много Римъ въ самозабвенны
 Святую вѣру исказилъ!
 И то отвергъ, и то оставилъ,
 Иль небывалое прибавилъ,
 На новый все настроилъ ладъ
 Сей замечтавшийся нашъ братъ.

Явился свѣтъ Христовъ съ востока,
 И разлился по всѣмъ странамъ,
 Прогналъ, разсѣялъ мракъ глубокий,
 И съ нимъ спасеніе бысть намъ.
 О, западъ—братъ! тебѣ бъ не худо
 Ждать свѣта Божьяго оттуда,
 Гдѣ зрится солнечный восходъ,
 Откуда каждый свѣта ждѣтъ.

Ты первый вздумалъ о раздѣлѣ, —
 Съ востокомъ вздумалъ связь прервать.
 Ты возмечталъ; такъ въ самомъ дѣлѣ
 Тебѣ ли брата уважать?...
 Одумайся, дай брату руку!
 Христокъ и Петръ тебѣ въ поруку,
 Что братъ всю скорбь твою пойметъ,
 Онъ примиренія лишь ждѣтъ....

Свящ. Вас. Калужинъ.